

2021
№255

У КАРТЫ ТИХОГО ОКЕАНА

2021

№ 255

Информационно-аналитический
бюллетень
Издаётся с 1974 года

Watching the Pacific
Research and Analytic Report Series

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук.

Редакционная коллегия:

Ларин В.Л. (главный редактор)
Песцов С.К. (заместитель главного редактора)
Болдырев В.Е.
Волынчук А.Б.
Горячева Е.А. (ответственный секретарь)
Зуенко И.Ю.
Мишин В.Ю.
Швыдко С.Т.
Ян Чен

Редакционный совет:

Бакланов П.Я.
Белкин В.Г.
Горчаков В.В.
Михеев В.В.
Русецкий Е.А.
Сергиенко В.И.
Толстокулаков И.А.
Фэн Юцзюнь
Хаба Кумико

Адрес редакции:
690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89.
Тел.: (4232) 226–80–54. E-mail: wp@ihaefe.ru.

Архив номеров информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана» доступен по ссылке:
<http://ihaefe.org/publishings/by-the-pacific-ocean-map>

Дата выхода: 09.09.2021.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 3,72. Уч.-изд. 3,47.

Отпечатано в Отделе ИТ ИИАЭ ДВО РАН.

© Коллектив авторов, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
Болдырев В.Е. Перспективы национальной стратегии Дж. Байдена и её влияние на внешнюю политику США	5
Гарусова Л.Н. Политика администрации Дж. Байдена в Тихоокеанском регионе	7
Разумов Е.А. Потенциальный ответ Китая на курс Дж. Байдена	9
Горячева Е.А. Япония и США: новый союз старых друзей	11
Толстокулаков И.А. Республика Корея и новая администрация США: чего следует ждать на корейском направлении?	14
Мишин В.Ю. КНДР и перспективы её отношений с США: конец «мирной передышки»?	20
Симоненко А.В. Позиции и перспективы США в ЮВА в условиях смены американской администрации	21
Песцов С.К. Индо-Тихоокеанская стратегия США: позиция России	23
Тушков А.А. Военно-морская составляющая морского присутствия России в Индо-Тихоокеанском регионе	26
Заключение	30

CONTENT

Preface	3
Boldyrev Vitalii. J. Biden's National Strategy Prospects and Its Influence on US Foreign Policy	5
Garusova Larisa. Policy of J. Biden's Administration in the Pacific Region	7
Razumov Egor. Potential Chinese Answer on J. Biden's Policy	9
Goriacheva Elena. Japan and USA: A New Alliance of the Old Friends	11
Tolstokulakov Igor. Republic of Korea and US new Administration: What Is to Wait at Korean Direction?	14
Mishin Valery. DPRK — US Relations Prospects: An end of "peaceful break"?	20
Simonenok Anna. US Positions and Prospects in South-East Asia in Terms of US Administration Change	21
Pestsov Sergei. US Indo-Pacific Strategy and Russia's Position	23
Tushkov Alexander. Navy Aspect of Russian Maritime Presence in the Indo-Pacific	26
Conclusion	30

ВСТУПЛЕНИЕ

17 мая 2021 г. в Центре глобальных и региональных исследований ИИАЭ ДВО РАН состоялся круглый стол «Перспективы политики Дж. Байдена на Тихом океане: новое начало или продолжение старого?». Сложившаяся в 2020 г. в США общественно-политическая ситуация, связанная с усилением противостояния между либеральной и консервативной частями общества, требовала оценить перспективы внешней политики Дж. Байдена на одном из ключевых её направлений — тихоокеанском. Прошедшие к дате, когда состоялся круглый стол, 100 дней президентства позволяли лучше ответить на два ключевых вопроса. Первый — что будет представлять из себя курс Дж. Байдена: продолжение политики Д. Трампа, предложение либеральной альтернативы или формирование консенсусного, компромиссного подхода? Второй — какие векторы развития отношений с США восточноазиатские государства видят для себя перспективными?

С учётом такой постановки проблемы целью круглого стола было выявить потенциальные скрепы и разделительные линии в отношениях США со странами Тихоокеанского региона, воссоздать потенциальную сеть взаимодействий и противодействий. Чтобы достичь этой цели, участники мероприятия реконструировали стратегию Дж. Байдена, проследили связи между её внутривнутриполитической и внешнеполитической частями, проанализировали ключевые тенденции развития обществ и государственной мысли в тихоокеанских странах, обозначили потенциальные сферы их взаимодействия с Соединёнными Штатами. В результате это позволило спрогнозировать усиление противостояния и сужение сфер сотрудничества между США и КНР, фрагментацию регионального пространства вследствие конкурентной борьбы этих двух государств.

В работе круглого стола приняли участие исследователи и эксперты ИИАЭ ДВО РАН, ДВФУ, ВГУЭС.

PREFACE

On May 17, 2021 IHAЕ FEB RAS Global and Regional Studies Centre held a workshop “J. Biden’s Pacific policy prospects: A new beginning or a continuation of the previous?” The socio-political situation formed by 2020 and connected with growth of confrontation between liberal and conservative parts of US society required to assess J. Biden’s policy prospects on one of its key vectors related to Pacific region. The first 100 days passed by the date of workshop let to answer two general question in better way. First, what alternative will J. Biden choose: will he follow D. Trump’s policy, change it for liberal trend or suggest a compromise agenda? Second, what vectors of partnership with the US are viewed by East Asian states as perspective ones?

In the context of the research problem the workshop general aim had been related to identification of potential lines of division and unification in US relations with states of the region and probable cooperation and counteractions networks. So participants of the workshop reconstructed potential J. Biden’s strategy, isolated its domestic and foreign parts interconnections, analyzed key tendencies of social and political development in East Asian States, forecasted basic field and trends of its relations with the US development. In whole it let to forecast strengthening of US — China confrontation, narrowing of interaction between them, regional space fragmentation because of competition between US and PRC.

Researchers and experts from Institute of History, Archeology and Ethnography FEB RAS, Far Eastern Federal University and Vladivostok State University of Economics and Service took part in the workshop.

ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ДЖ. БАЙДЕНА И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ США

Болдырев Виталий Евгеньевич,

канд. ист. наук, научный сотрудник отдела международных отношений ЦГРИ ИИАЭ ДВО РАН
E-mail: boldyrev89@list.ru

В настоящем докладе представлена реконструкция национальной стратегии Дж. Байдена, осуществлённая с помощью моделирования, основанного на языке непрямого кодирования (ЯНК) и связанном с ним алгоритме¹. Полученные по итогам его применения результаты проверялись с помощью математических моделей экономики США, разработанных Массачусетским технологическим институтом², и структурных аналитических моделей, восходящих к методам истории повседневности и исторической адаптологии³.

Алгоритм ЯНК включает 6 фаз, нацеленных на выявление преемственности будущей стратегии, степени её разработанности, скрытых смыслов и приоритетов, искусственно завышенных и заниженных⁴.

Поскольку Дж. Байден только вступил в должность, единственным документом, подходящим в качестве основы для моделирования, являлась его предвыборная программа⁵, которая на этапе подготовки была максимально очищена от конъюнктурных, электоральных обещаний и контекстов. Далее её приоритеты были соотнесены с основными подсистемами и их компонентами. На первом этапе это позволило выявить, что стратегия Дж. Байдена должна быть преемственной по отношению к стратегии Д. Трампа в следующих областях: экономика, торговля, финансы, технологии, социальная политика, кибернетическая сфера, право. В ряде сфер Дж. Байден воспримет проблемную повестку предшественника, но вложит

в неё новый смысл. К ним относятся демография, энергетика, ресурсы и сырьё, культура, гражданская и гуманитарная области. Полностью новаторской политика Байдена будет в подсистемах аграрно-продовольственной, природно-климато-экологической, военной. Таким образом, стратегия Дж. Байдена в большой степени преемственна к стратегии Д. Трампа, и существенных поворотов и изменений в американском курсе в ближайшие четыре года не ожидается.

Безусловно, любая предвыборная программа содержит гораздо большее количество обещаний, чем число приоритетов, зафиксированных в правительственных стратегиях. Однако даже с учётом этой особенности в предвыборной программе Дж. Байдена были выявлены экономическая и социальная подсистемы, отличавшиеся чрезмерной разработанностью. Соответственно, их ждёт секвестр, от которого будет зависеть стабильность и устойчивость стратегии Дж. Байдена.

На третьем этапе проводился поиск скрытых смыслов. Удалось найти следующие. На первый взгляд может показаться, что экономическая программа ориентирована на социальное восстановление, однако, согласно анализируемому документу, развитие экономики предполагает также внедрение новых технологий, совершенствование киберсферы и модернизацию вооружённых сил. Развитие сельского хозяйства предусматривает не только обеспечение продовольствием — оно должно содействовать и решению экологических проблем, изменениям в структуре потребляемого топлива, внедрению новых технологий. Наконец, энергетическая часть программы нового президента имеет целью повысить производительность экономики, при этом благоприятно влияя на состояние окружающей среды.

На четвёртом, пятом и шестом этапах выявлялись сферы, приоритетность которых искусственно завышена или занижена. К искусственно завышенным у Дж. Байдена относится ресурсно-сырьевая подсистема, к искусственно заниженным — природно-климато-экологическая, финансово-кредитная и культурная.

В целом моделирование, основанное на ЯНК, позволило выявить следующие роли подсистем в перспективной стратегии Дж. Байдена. Её ядром будет

¹ Болдырев В.Е. Обеспечение безопасности США: трансформация интерпретаций и межведомственных взаимодействий в 2009—2020 гг. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2021. 221 с.

² Subnational Trade Data by States. URL: <https://oec.world/en/subnational/#subnational-country-block-usa> (дата обращения: 12.05.2021).

³ Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. С. 53—83; Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Сб. науч. ст. / под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 3—64.

⁴ Подробнее: Болдырев В.Е. Обеспечение безопасности США...

⁵ Joe Biden's Electoral Program. URL: <https://joebiden.com> (дата обращения: 31.08.2020).

экономика. Ставка будет сделана на внедрение энергосберегающих технологий, развитие сельского хозяйства, разработку и принятие нового законодательства, направленного на поддержание производства и сбыта готовой продукции внутри США, развитие госзаказа, оказание содействия малому и среднему бизнесу, оптимизацию экспортного и импортного потоков в соответствии с интересами национального обрабатывающего сектора. Кроме того, чтобы предотвратить снижение темпов производства и снизить затраты, избранный президент готов поддержать экономику с помощью прямых и косвенных финансово-кредитных инструментов, а также ряд отраслей — за счёт притока «мускулов» или «мозгов» в зависимости от ситуации.

Правовой сфере отводится регуляторная роль: будут созданы дополнительные технические ограничения, защищающие американских производителей «зелёных» и наиболее передовых в технологическом отношении товаров от иностранных конкурентов на национальном рынке. На международной арене США будут продвигать положения, наоборот, либерализующие соответствующие отраслевые рынки за рубежом.

Ресурсно-сырьевая подсистема, вероятно, займёт место скрытого привода для развития энергетических технологий, диверсификации отраслевой структуры растениеводства и решения других связанных с ними вопросов, например, экологических.

Технологическая сфера будет подчинена целям развития экономики, главным образом в областях, связанных с биотехнологией и обработкой данных, ростом производительности и разработкой более совершенных вооружений.

Аграрная и природно-климатоэкологическая подсистемы будут подчинены целям экономической, энергетической и ресурсно-сырьевой подсистем, а именно росту производительности, энергоэффективности, внедрению более экологичных видов топлива.

Торговая сфера, тесно связанная с экономической и правовой, будет сочетать протекционизм и свободную торговлю. Первый коснётся наиболее технологичных групп товаров, включая «зелёные». Свободная торговля будет подразумевать отсутствие пошлин на импорт в рамках международных кооперационных связей и в случае поставок необходимой продукции, которая в США не производится или производится в недостаточных количествах. Также администрация Дж. Байдена предпримет попытки открыть зарубежные рынки для наиболее передовой американской продукции с помощью торговых соглашений.

Гражданская и гуманитарная сферы, предполагающие пропаганду идей равенства и решение наиболее острых проблем, станут основой для глобальных инициатив с целью улучшить имидж США, главным образом в странах третьего мира, где усиливается влияние КНР.

Военная сфера будет нацелена на производство новых вооружений и поддержание стабильной системы союзов и партнёрств, складывавшейся на протяжении всего послевоенного периода. Ей будет подчинена культурная сфера, связанная с противодействием деструктивной для американского общества информацией, с одной стороны, и подрывом имиджа независимых мировых центров — с другой.

Теперь вернёмся к 4—6 фазам алгоритма. Искусственное завышение или занижение приоритетности свидетельствует о большом потенциале для влияния групп интересов. В ресурсно-сырьевой сфере ключевыми группами будут производители экологических видов топлива и энергооборудования, связанного с энергетикой возобновляемых источников. Область экологии будет самой чувствительной к лоббированию, поскольку окончательные параметры политики здесь далеки от финального определения. Данные о новых партийных и политических ориентациях среди групп интересов и о последних тенденциях экономического развития США указывают, что в обеих подсистемах будет высока роль «биоэтанолового лобби» (кукурузная отрасль, производители биоэтанола)⁶. По цепочке вырастет лоббистская активность автомобилестроителей, выпускающих гибридный, электрический и биоэтаноловый транспорт, производителей энергооборудования, связанного с чистой генерацией (солнечных батарей, ветряков, гидротурбин), транспортировкой и преобразованием электроэнергии. В их интересах вероятно как принятие ограничительных мер, так и либерализация узкоотраслевых рынков с целью локализовать производство на территории США и освободить национальный рынок от иностранных конкурентов.

Развитие финансово-кредитной сферы будет связано с секвестром обещанных бюджетных расходов и оптимизацией косвенных мер поддержки. Главным образом это коснётся сугубо внутренних проблем, но, вероятно, затронет и вопрос содействия отдельным видам производств, что может повлечь принятие точечных протекционистских мер.

Культурная сфера будет подчинена необходимости противостоять подрывной информации,

⁶ Подробнее: Thomaz L.F., Oliveira M.F., de. U.S. International Agricultural Trade Policy: Interests, Institutions, and Information in the Corn Supply Chain // Brazilian Political Science Review. 2016. Vol. 10. No. 1. P. 1—27. URL: <https://www.scielo.br/pdf/bpsr/v10n1/1981-3821-bpsr-10-1-1981-38212016000100005.pdf> (дата обращения: 07.02.2020); Peters R., Zinser S. Earth Day 2021: New Directions for US Climate Policy Rhetoric. URL: https://thehill.com/opinion/energy-environment/549424-earth-day-2021-new-directions-for-us-climate-policy-rhetoric?utm_source=Chatham%20House&utm_medium=email&utm_campaign=12345707_ACA%20-%20April%202021%20-%20Academy%20Newsletter&dm_i=1S3M,7CM0B,47L2P8,TTTTLY,1 (дата обращения: 23.04.2021).

направленной на американских граждан, и проведению негативных информационных кампаний в отношении независимых центров силы. С учётом текущей конъюнктуры эта сфера является широко открытой для антикитайского и антироссийского лобби.

Анализ промежуточного обзора национальной безопасности⁷ в целом подтверждает правильность представленных выводов и оценок, хотя и привносит некоторые новые оттенки: в экономике повышается роль сбережения материалов, в кибернетической сфере — важность таргетирования, в гражданской — особенности контроля за обществом. Это указывает, что две последние подсистемы будут связаны с проведением военных и тайных операций, предполагающих активность в киберпространстве. Кроме того, прогнозируется рост лоббистской активности неопределённо

⁷ Interim National Security Strategic Guidance. March 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/03/interim-security-strategic-guidance> (дата обращения: 04.03.2021).

большого числа групп интересов при установлении векторов технологического развития.

В глобальном контексте политика Дж. Байдена определена в отношении всех регионов мира и ключевых игроков, кроме России. Процесс выработки политики на российском направлении по-прежнему зависит от борьбы групп интересов, стоящих на трудно совместимых позициях. Это влияет на адаптационную стратегию Дж. Байдена, которую можно описать следующими выражениями: проявить лояльность в отношении «старой гвардии» демократов, показать молодому поколению членов Демократической партии их значимость, указать им же на их место, лишить республиканцев поддержки военных, показать себя «своим» антироссийскому лобби, создать имидж ответственного лидера. В остальном географически политика будет нацелена на формирование мировой сети союзов и партнёрств в разных сферах с целью сдержать глобальный рост влияния КНР, а также на вовлечение Китая во взаимодействие в ключевых глобальных сферах: климат, нераспространение, борьба с эпидемиями.

ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА В ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Гарусова Лариса Николаевна,

д-р ист. наук, главный научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований ИИАЭ ДВО РАН
E-mail: Igarusova@mail.ru

С приходом в Белый дом президента от Демократической партии Джо Байдена, резко критиковавшего ранее экс-президента Дональда Трампа, актуализировался вопрос, откажется ли новая администрация от внешнеполитических стратегий, реализуемых предшественниками? Первый ответ на данный вопрос дал самый значимый на сегодняшний день внешнеполитический документ — «Временное стратегическое руководство США по национальной безопасности» от 3 марта 2021 г. В нём выделены вполне традиционные направления международной деятельности Вашингтона, такие как Китай, Ближний Восток, Россия, государства Юго-Восточной Азии и АСЕАН, НАТО, ЕС, сотрудничество с Индией, Японией, Южной Кореей, Австралией (названной величайшим стратегическим активом Америки), Новой Зеландией, Вьетнамом, Сингапуром и другими странами. Помимо традиционных партнёрств, Вашингтон будет налаживать новые связи по всему миру, например со странами Африки, а также бороться с COVID-19 в содружестве с ВОЗ. Среди угроз

мировой и региональной безопасности упоминается ситуация в Мьянме и ядерные программы в Иране и КНДР. Говорится, что Северная Корея, использующая различные технологии и развивающая ядерную отрасль, «наводит ужас на мировое сообщество»¹. Даже простое перечисление всех этих внешнеполитических векторов свидетельствует об акцентированном внимании США к Азии, Тихому океану и Индо-Пацифике в целом. В этом смысле современная региональная и международная стратегия США отличается преемственностью.

Главная цель Вашингтона в сфере международных отношений на протяжении последних десятилетий неизменна — сохранение американского доминирования и влияния в мире. Госсекретарь США Энтони Блинкен, знакомя Конгресс и мировую

¹ Interim National Security Strategic Guidance. March 2021. President Joseph R. Biden. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 10.05.2021).

общественность с основными приоритетами новой американской внешней политики, заявил: «Американское лидерство и участие имеют важное значение... Мир не организуется сам по себе. Когда США отступают, случается одна из двух вещей: либо другая страна пытается занять наше место, но таким способом, который не учитывает наши интересы и ценности; либо, и это может быть ещё хуже, никто не пытается — и тогда мы получаем хаос и все связанные с ним опасности. В любом случае это плохо для Америки»².

Блинкен и Байден назвали главным геополитическим вызовом США в XXI в. отношения с Китаем. Это означает, что основным полем внешнеполитической деятельности Вашингтона остаётся Индо-Пацифика и реализация внешнеполитического концепта Трампа «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», цель которого — сдерживание лидерских амбиций и возможностей КНР с опорой на коллективную поддержку союзников и партнёров Америки.

Во «Временном стратегическом руководстве» говорится о том, что Китай стал «более напористым» и является единственным конкурентом США, который способен объединить свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь, чтобы бросить вызов стабильной и открытой международной системе. В документе указаны основные направления противодействия КНР: «Мы будем бороться с несправедливой и незаконной торговой практикой, киберворовством и принудительными экономическими методами, которые наносят ущерб нашим передовым и новым технологиям и стремятся к подрыву нашего стратегического преимущества и национальной конкурентоспособности»³.

По заявлению госсекретаря Блинкена, «в случае необходимости наши отношения с Китаем будут основаны на конкуренции, при наличии возможности мы будем сотрудничать, а когда другого выбора нет — мы будем соперниками. Самое главное — это то, что необходимо подходить к взаимодействию с Китаем с позиции силы, а также опираться на помощь союзников и международные организации»⁴.

Одновременно США подчёркивают свою нацеленность на дипломатию в отношениях с Пекином, планируют переговоры по вопросам медицинской безопасности, климатическим изменениям, проблемам ядерного нераспространения и контроля над вооружением⁵.

Президентские администрации от Демократической партии традиционно акцентируются на правах

² Blinken A.J. A Foreign Policy for the American People. Speech. Washington, D.C. March 3, 2021. URL: <https://www.state.gov/a-foreign-policy-for-the-american-people> (дата обращения: 10.05.2021).

³ Interim National Security Strategic Guidance. March 2021...

⁴ Blinken A.J. A Foreign Policy for the American People...

⁵ Interim National Security Strategic Guidance. March 2021...

человека в американской внешней политике. Администрация Байдена не стала исключением в этом смысле и практически сразу же обратила внимание на проблему нарушения Пекином прав уйгуров в Синьцзяне и демократических свобод в Гонконге.

Уже в апреле 2021 г. на сайте Госдепартамента были опубликованы фамилии китайских чиновников, которым (как и их близким родственникам) запрещён въезд в США из-за их «несоразмерных действий» в Синьцзяне. Союзники США — страны G7 — солидарны с Вашингтоном. Так, в совместном коммюнике министров иностранных дел Семёрки от 5 мая 2021 г. заявлено: «...мы призываем Китай уважать права человека и основные свободы. Мы по-прежнему глубоко обеспокоены нарушениями прав человека и злоупотреблениями в Синьцзяне и Тибете, особенно нападениями на уйгуров, представителей других этнических и религиозных меньшинств, а также существованием крупномасштабной сети лагерей „политического перевоспитания“ и сообщениями о системах принудительного труда и принудительной стерилизации»⁶.

По вопросу о нарушении принципов демократии в Гонконге на сайте Госдепа 16 апреля 2021 г. появилось заявление Блинкена о том, что «Соединённые Штаты осуждают вынесение приговора семи демократическим лидерам по политически мотивированным обвинениям. Сегодняшние приговоры являются ещё одним примером того, как власти КНР и Гонконга подрывают защищённые права и основные свободы, гарантированные Основным законом и Китайско-британской совместной декларацией в попытке искоренить все формы инакомыслия»⁷. Страны G7 поддержали Вашингтон, заявив: «Мы призываем власти Китая и Гонконга прекратить преследование тех, кто защищает права, свободы и демократические ценности...»⁸.

Тем не менее, несмотря на политические разногласия двух великих держав, скорее всего, до новой «холодной войны» дело не дойдёт, поскольку США и Китай экономически интегрированы друг с другом, равно как и взаимозависимы в мировой экономике.

После победы на выборах Байдена многие политики и политологи высказывали опасение, что новая администрация откажется от Индо-Тихоокеанской

⁶ G7 Foreign and Development Ministers' Meeting: Communiqué. London, 05.05.2021. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/97842/g7-foreign-and-development-ministers%E2%80%99-meeting-communication%C3%A9_en (дата обращения: 10.05.2021).

⁷ Blinken A.J. Sentencing of Hong Kong Pro-Democracy Activists for Unlawful Assembly Press Statement. April 16, 2021. URL: <https://www.state.gov/sentencing-of-hong-kong-pro-democracy-activists-for-unlawful-assembly/> (дата обращения: 10.05.2021).

⁸ G7 Foreign and Development Ministers' Meeting: Communiqué...

стратегии, в основе которой лежит деятельность Quad — четвёрки стран ИТР: США, Индии, Японии и Австралии. Однако Вашингтон не только не отказался от концепта «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», но и попытался придать ему новый импульс. Уже 12 марта 2021 г. администрация Байдена (практически впервые вне полей азиатских саммитов) собрала на встречу лидеров Quad. Американский президент, обращаясь к ним, подчеркнул, что «свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион имеет важное значение для будущего каждого из нас»⁹.

Координатором по делам Индо-Пацифики в администрации Байдена был назначен дипломат Курт Кэмбелл, высказывающийся за расширение Четвёрки до формата D-10 (коалиции из 10 демократий, предложенной Великобританией). В неё войдут страны Большой семёрки, а также Австралия, Индия и Южная Корея¹⁰. Администрация президента приняла данную идею. Первые шаги к созданию такой коалиции уже предприняты. Например, на саммит министров иностранных дел стран G7 в Лондоне в мае 2021 г. Великобритания, как принимающая сторона, пригласила в качестве гостей Австралию, Индию, Республику Корея,

⁹ Young T. Sanctioning India Would Spoil the Quad. Let India Buy its Weapons from Moscow. The Real Strategic Threat is Beijing // Foreign Policy. April 12, 2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/04/12/united-states-india-quad-china-russia-s-400-caasta-waiver-biden-modi/> (дата обращения: 10.05.2021).

¹⁰ Nayanima Basu. India, China, Iran — a Sneak Peek at US Foreign Policy under Biden, in the Words of His Team // The Print. January 19, 2021. URL: <https://theprint.in/diplomacy/india-china-iran-a-sneak-peek-at-us-foreign-policy-under-biden-in-the-words-of-his-team/587777/> (дата обращения: 10.05.2021).

а также Бруней, председательствующий в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)¹¹.

Следует отметить, что администрация Байдена уделяет особое внимание АСЕАН по ряду причин: а) данные государства сами претендуют на центральную роль в Юго-Восточной Азии и не склонны соглашаться с региональным лидерством США, особенно в его трамписком варианте «Америка превыше всего»; б) при Трампе страны АСЕАН старательно избегали оказывать поддержку США из-за нежелания ссориться с Китаем, поскольку «завязаны» на его инфраструктурные, энергетические и коммуникационные проекты в рамках «Инициативы пояса и пути»; при этом, однако, они пользуются конкуренцией великих держав для своей выгоды; в) военный переворот в Мьянме выявил недоверие и нежелание новых властей общаться с международными посредниками типа представителей ООН. Однако вмешательство АСЕАН было принято ими благосклонно: специальный посланник получил доступ к противоборствующим сторонам, кроме того, власти приняли гуманитарную помощь от ассоциации.

Таким образом, основная тенденция современной внешней политики США состоит в региональной преемственности. Важнейшим направлением международной стратегии Вашингтона осталась Индо-Пацифика с реализацией концепта Д. Трампа «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», цель которого заключается в сдерживании влияния главного американского конкурента и оппонента — Китая.

¹¹ G7 Foreign and Development Ministers' Meeting: Communiqué...

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ КИТАЯ НА КУРС ДЖ. БАЙДЕНА

Разумов Егор Александрович,
старший лаборант ЦГРИ ИИАЭ ДВО РАН
E-mail: razumov.egor@gmail.com

Понимание, каким может быть потенциальный ответ Пекина на новый курс США под руководством Дж. Байдена, придёт только при условии рассмотрения предыстории американо-китайских отношений, так как современные тенденции во внешней политике КНР были сформированы именно во время президентства Д. Трампа.

Сильный толчок к пересмотру Пекином осторожного ведения внешней политики произошёл во время начатой американским президентом США Д. Трампом

так называемой Торговой войны¹. В самом начале этого противостояния Китай активно шёл на уступки, так как для Пекина был шоком сам факт введённых против него санкций. Но со временем в Чжуннаньхае стали понимать, что США постепенно теряют лидирующие позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе и для паритета на международной арене Китай может

¹ Trump's Trade War May Have Already Begun. URL: <https://www.nytimes.com/2017/01/30/business/economy/trumps-mexico-china-tariff-trade.html> (дата обращения: 31.05.2021).

отходить от принятых ещё при Дэн Сяопине установок о негегемонизме и осторожности в ведении внешней политики.

Началом «нового» курса по отношению к США стоит считать октябрь 2020 г., когда в Пекине выступил Председатель КНР Си Цзиньпин². Несмотря на то, что сама речь была приурочена к очередной годовщине участия китайских волонтеров в Корейской войне, лидер не обошёл вниманием американский империалистический фактор, сдерживающий развитие нации. Такое выступление стоит рассматривать как посыл экс-президенту США Д. Трампу, как готовность Пекина иметь взаимоотношения с любым руководителем Белого дома. При этом КНР настроена активно отстаивать собственную позицию в международных вопросах. Особо стоит отметить, что Си Цзиньпин сделал данное заявление накануне выборов президента США, на которых одержал победу Дж. Байден.

Активное проявление китайского нового курса наблюдалось уже в январе 2021 г. на переговорах между делегациями США и КНР на Аляске. До оглашения их итогов китайские государственные³ СМИ начали призывать граждан отказаться от покупки одежды американских брендов⁴. Аргументировалось это необходимостью поддержать использование хлопка, который добывается и производится в Синьцзяне.

Таким образом, Китай прибегнул к так называемому интернет-национализму. Стоит отметить, что Пекин использовал данный метод ещё в 2012 г., когда возник территориальный спор по поводу о-вов Сенкаку (Дяоюйдао) между КНР и Японией⁵. Тогда пропаганда привела к массовым митингам и погромам магазинов с японской продукцией на Северо-Востоке Китая. Это имело долгосрочные последствия для внутренней политики КНР: рост благосостояния граждан, реализуемый через концепцию «китайской мечты», а также стремительное технологическое развитие страны смогли сформировать особую самоидентичность китайцев. Несмотря на их неоднозначное отношение к Коммунистической партии Китая, при возникновении

угрозы для государства даже те, кто живёт вне территории КНР, будут испытывать желание помочь Родине. И как мы считаем, Пекин воспользуется этим при необходимости.

Что касается потенциального ответа на курс Дж. Байдена, то отметим следующее. Политика экс-президента США Д. Трампа была направлена на экономическое удушение Китая, но не дала весомых результатов. Дж. Байден же будет использовать только «косметические» преобразования по отношению к КНР. Иными словами, Вашингтон сделает особый упор на нарушение прав человека в Синьцзяне, Тибете, а также Гонконге. Наученный горьким опытом экономических баталий, Белый дом станет использовать фактор Китая в качестве инструмента запугивания собственного электората и Конгресса США. Таким образом, Дж. Байден может влиять на важные статьи госбюджета.

Что касается Пекина, то он не рассматривает США как грозного соперника. В Чжуннаньхае уверены, что Поднебесная готова к вероятным выпадам со стороны американских партнёров. Торговое противостояние между США и Китаем запустило технологическую гонку двух стран. Введённые против КНР санкции только ускорили процесс импортозамещения технологической продукции. Таким образом, технологические компании в Китае всё меньше зависят от поставок из-за рубежа оборудования и некоторых технических составляющих для своего производства.

Стоит отметить, что в КНР реализуется инициатива «Произведено в Китае»⁶, которая должна заменить существующий у рядового потребителя стереотип, что сделанная в Китае продукция априори является некачественной. Кроме этого, наблюдается развитие цифровых технологий, на что сильно повлияла начавшаяся в 2020 г. пандемия COVID-19. Пекин смог использовать эту ситуацию для перевода экономики на новые рельсы.

Мы считаем, что китайское руководство будет идти к ужесточению внутреннего регулирования в отношении иностранных компаний. Американская газета New York Times уличила корпорацию Apple в сотрудничестве с Пекином: в передаче персональных данных специальным государственным органам⁷. Подобный прецедент свидетельствует, что КНР может в случае необходимости диктовать собственные условия даже мировым брендам, если они хотят вести деятельность на территории континентального Китая.

⁶ 国务院关于印发《中国制造2025》的通知 = Уведомление Госсовета КНР о публикации программы «Произведено в Китае — 2025». URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm (дата обращения: 30.05.2021).

⁷ Censorship, Surveillance and Profits: A Hard Bargain for Apple in China. URL: <https://www.nytimes.com/2021/05/17/technology/apple-china-censorship-data.html> (дата обращения: 31.05.2021).

² 习近平: 在纪念中国人民志愿军抗美援朝出国作战70周年大会上的讲话 = Си Цзиньпин: Речь на 70-й годовщине памяти участия китайских народных добровольцев в движении за сопротивление агрессии и за оказание помощи корейскому народу. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-10/23/c_1126649916.htm (дата обращения: 29.05.2021).

³ Fiery Start to U.S. — China Talks Shows Acrimony Will Remain. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-03-19/fiery-start-to-u-s-china-talks-shows-acrimony-is-here-to-stay> (дата обращения: 30.05.2021).

⁴ Fiery Start to U.S. — China Talks Shows Acrimony Will Remain...

⁵ Anti-Japanese protests over disputed islands continue in China. URL: <https://www.nytimes.com/2012/09/17/world/asia/anti-japanese-protests-over-disputed-islands-continue-in-china.html> (дата обращения: 28.05.2021).

Таким образом, мы считаем, что Пекин будет вести активную внешнюю политику, особенно в отношениях с США. Стратегия Д. Трампа только ускорила процесс становления КНР как ведущей мировой державы. При этом, на наш взгляд, Китай до сих пор не готов получить лавры гегемона, так как это повлечёт за собой огромную ответственность за принимаемые им решения. Эта роль пока ещё непривычна для него, в виду того что относительно недавно КНР во внешней политике старалась применять исключительно экономические меры давления, подсаживая слаборазвитые страны на экономическую иглу в форме кредитов. Но мы не исключаем, что в краткосрочной перспективе Китай начнёт применять политические меры для решения внешнеполитических проблем.

Что касается Вашингтона, то Пекин постарается вести себя сдержанно в ситуациях, по поводу которых возникли разногласия, но при этом риторика будет более жёсткой, так как отказаться от взаимных претензий уже не получится, а возможные уступки какой-либо из сторон станут расцениваться как проявление слабости. Тем более в 2021 г. исполняется 100 лет со дня основания Коммунистической партии Китая, и в этот знаменательный год КНР вряд ли даст американским партнёрам возможность наладить отношения. Иначе возникнет противоречие между проводимой политикой и официальной пропагандой государственных СМИ, и у обычных граждан появится много вопросов, что может привести к волнениям внутри страны, а к этому китайские власти не готовы.

ЯПОНИЯ И США: НОВЫЙ СОЮЗ СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

Горячева Елена Александровна,

канд. ист. наук, научный сотрудник сектора международной и региональной безопасности ЦГРИ ИИАЭ ДВО РАН
E-mail: solo888@yandex.ru

Японо-американские отношения в последнее десятилетие претерпели ряд трансформаций. Условно можно выделить три этапа развития взаимодействия Токио и Вашингтона в 2013—2021 гг.

1 этап. Прохладные отношения. Президентство Барака Обамы — 2-й (до декабря 2014 г.) и 3-й кабинет Синдзо Абэ (2015 — (выборы) октябрь 2017 г.): февраль 2013 — декабрь 2017 г. — отсчёт от первой встречи двух глав государств.

При Б. Обаме США уделяли особое внимание международному порядку, ставящему во главу угла отношения с Китаем. Это было недвусмысленным сигналом для Токио: Вашингтон больше интересовала экономика, чем укрепление японо-американского альянса. КНР, декларирующая отличные от США ценности, как вторая экономика мира была важнее Японии, разделяющей ценности свободы и демократии.

2 этап. Противоречивые отношения. Президентство Дональда Трампа и 4-й кабинет Синдзо Абэ: январь 2017 — декабрь 2020 г. — отсчёт от информационного повода о пересмотре бюджета на содержание ВС США в Японии.

Отношения Вашингтона с Токио при Д. Трампе были неоднозначными. С одной стороны, после избрания на свой пост, в начале 2017 г., он допустил ряд провокационных высказываний по поводу реальной ценности и необходимости в текущих условиях японо-американских союзнических отношений. Президент заявил,

что следует пересмотреть часть расходов на содержание ВС США на Окинаве, которую должна нести Япония из своего бюджета (思いやり予算, яп. *омоияри ёсан*), тем самым поставив под сомнение святая святых — незыблемость альянса Японии и США, насчитывающего уже 60 лет. Среди других негативно воспринятых Токио политических решений Д. Трампа был выход США из Транстихоокеанского партнёрства 23 января 2017 г.

Также в Японии отрицательно оценивались попытки Д. Трампа установить с Ким Чен Ыном в 2018 г. дружескую коммуникацию, и это тогда, когда между США и Японией было достигнуто соглашение по продвижению максимальной политики санкций к Пхеньяну. В результате, по оценкам японских военных экспертов, КНДР значительно расширила свой арсенал ядерного оружия и возможности его применения. Китайская политика также являлась противоречивой: в начале администрации Д. Трампа было сотрудничество с КНР, затем торговый конфликт в среднесрочной перспективе и, наконец, полная конфронтация в конце.

Но к действительному пересмотру формата отношений эти действия не привели, и при Д. Трампе японо-американское взаимодействие развивалось в прежнем русле¹.

¹ What the Evolving International Order Means for Japan. 11.05.2021. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2021/05/11/commentary/japan-commentary/japan-international-order/> (дата обращения: 15.05.2021).

3 этап. Предсказуемые отношения (?). Президентство Джо Байдена и кабинет Ёсихидэ Суга: январь 2021 — май 2021 г. — отсчёт от вступления Дж. Байдена в должность.

На данном этапе в японском обществе озвучивалось множество противоречивых нарративов по поводу перспективы союзнических отношений Японии и США. Будет ли стабилизация отношений? Курс Дж. Байдена — это попытки сближения со стороны Вашингтона? Ждёт ли альянс возвращение к истокам — Японо-американскому договору безопасности как краеугольному камню двусторонних отношений? Или же всё, что декларирует Дж. Байден, — договорённости без потенциальной реализации?

Если все президенты США в 2013—2020 гг. придерживались разной идеологии и внешней политики по отношению к Японии, то в случае последней не только в эти годы, но и ранее, с 2001 г., большую часть времени руководителями страны являлись представители так называемого неконсервативного направления (это Дзюньитиро Коидзуми, Синдзо Абэ, Ёсихидэ Суга), чья политика отличалась несколькими общими характеристиками. Неоконсерваторы из Либерально-демократической партии Японии (ЛДП) принципиально иначе смотрят на роль Японии в международных делах. До Дзюньитиро Коидзуми почти все лидеры Японии со времён Второй мировой войны были выходцами из более умеренного центра партии, консервативного мейнстрима. Они выступили против ремилитаризации и сосредоточили внимание на возрождении внутренней экономики государства, доверив свою безопасность «военному зонтику», предоставленному США. Между тем неоконсерваторы идеализируют довоенные традиции и военную мощь страны того времени, без симпатии относясь к пацифистской идеологии послевоенной Японии. Их идеал — сильная держава, в том числе и в смысле военно-оборонного потенциала. Они считают, что у Японии есть две большие угрозы — США и КНДР, которые необходимо нейтрализовать с помощью решительных военных действий. За последние 20 лет, когда неоконсерваторы взяли под контроль ЛДП и правительство, это послание медленно, но верно стало доминирующим нарративом, несмотря на то, что до Дзюньитиро Коидзуми оно постоянно обсуждалось².

Прошло мало времени после победы на выборах Дж. Байдена, но уже сейчас в его политике заметно несколько тенденций:

- Прежде всего, вопрос поддержки Дж. Байдена в Конгрессе США остаётся открытым, и это не может не влиять на все аспекты процедуры принятия им политических решений.

В японском внешнеполитическом дискурсе существует мнение, что Дж. Байдена после выборов,

² Why Some in Japan Are Unsettled about Biden. 28.01.2021. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2021/01/28/commentary/japan-commentary/japan-unsettled-biden-election/> (дата обращения: 15.05.2021).

в отличие от таких его предшественников, как Б. Обама или Р. Рейган, почти не затронул так называемый феномен фалд фрака (*coattail effect*), когда после победы на президентских выборах лидер политической партии способствует занятию членами его партии большего числа мест в Конгрессе США: они словно по инерции въезжают за президентом во власть на фалдах его фрака. В случае с Дж. Байденем такого нет, соотношение республиканцев и демократов в Палате представителей (211 и 222) и в Сенате (50 и 49) почти равное, что налагает на президента необходимость при любых изменениях бюджета, принятии новых законопроектов для двусторонних отношений с Японией искать компромисса с оппозицией³. Дж. Байдену, как умеренному центристу, придётся уметь балансировать при этом составе правительства.

- В команду Дж. Байдена входят прежние чиновники Б. Обамы — такие как Джон Керри, Джина МакКарти (ответственные за вопросы климатической политики), Курт Кэмпбелл (идеолог Индопацифистской политики), Энтони Блинкен (при Б. Обаме занимал пост заместителя государственного секретаря США, при Дж. Байдене стал государственным секретарём), а также ряд других. Не будут ли они склонять президента к симпатии к Китаю?

- В международных отношениях Дж. Байден явно взял курс на сотрудничество и нормализацию разорванных при Дж. Трампе связей — прекращение выхода США из ВОЗ 20 января 2021 г.⁴, повторное присоединение к Парижскому соглашению об изменении климата 19 февраля 2021 г. Чего ждёт Япония от Дж. Байдена?

Во-первых, поддержки своей позиции в отношении Китая, который, как опасается Токио, стремится установить новый мировой порядок путём применения силы. У Японии есть серьёзные причины для беспокойства, так как при предыдущих президентах, чтобы сохранить свои интересы в политике сдерживания климатических изменений, США с 2014 г., с правления Б. Обамы, шли на сотрудничество с КНР. При этом они закрывали глаза на некоторые её действия в Южно-Китайском море — например, создание насыпных территорий в архипелаге Спратли⁵.

³ Байден政権発足へ どうする日米同盟 = Вхождение Байдена во власть. Что станет с японо-американским альянсом? 06.01.2021. URL: <https://www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/100/441846.html> (дата обращения: 15.05.2021).

⁴ Байден в первый день президентства прекратит процесс выхода США из ВОЗ. 20.01.2021. URL: <https://www.interfax.ru/world/745995> (дата обращения: 15.05.2021).

⁵ 中国、南シナ海で埋め立て 香港メディア報道 = Как СМИ Гонконга сообщают о том, что Китай окапывается в Южно-Китайском море. 24.03.2021. URL: <https://www.sankei.com/world/news/210324/wor2103240029-n1.html> (дата обращения: 14.05.2021).

И Дж. Байден оправдывает эти ожидания: ещё до инаугурации он заверил Токио, что ст. 5 японо-американского Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности 1960 г. применима к о-вам Сэнкаку (Дяюйдэо)⁶.

Дж. Байден также выразил поддержку так называемой стратегии свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона⁷ на недавно состоявшемся онлайн-саммите «QUAD» Японии, США, Австралии и Индии 12 марта 2021 г.⁸ За последние 8 лет стратегическое значение Японии как союзника в АТР в глазах США выросло. Это вызвано и изменившейся позицией Пекина, который в своих сообщениях указывает на ослабление Вашингтона во многих сферах. В США осознают опасность Китая как конкурента на мировой геополитической арене, соответственно, отношение к КНР и Японии изменилось⁹.

И уже сейчас мы можем говорить, что двусторонние договорённости на саммите Япония — США 16 апреля 2021 г. подтвердили сдвиг фокуса с американо-китайского вектора на американо-японский.

В преддверии данного саммита в США и Японии были проведены опросы общественного мнения, которые выявили тенденцию улучшения двусторонних связей. Результаты показали: 70% населения Японии считает, что следует укреплять союзнические отношения с США (16% против)¹⁰, а в США к Японии как к союзнику положительно относится 84% граждан¹¹. Япония — самая высоко оцениваемая американцами страна, и положительное отношение к ней не меняется с 1996 г., когда бывший президент Билл Клинтон начал развивать отношения с Токио, включая углубление сотрудничества в сфере обороны на фоне быстро меняющейся обстановки в области безопасности в Азии. До этого ставка в целом была ниже, возможно, из-за точки зрения США, что

⁶ Байден подтвердил, что договор о безопасности Японии и США распространяется на Сэнкаку. 12.11.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9980507> (дата обращения: 15.05.2021); Strategic Competition Act of 2021. 07.05.2021. URL: <https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/DAV21598%20-%20Strategic%20Competition%20Act%20of%202021.pdf> (дата обращения: 15.05.2021).

⁷ 自由で開かれたインド太平洋とは = О свободной и открытой Индо-Пацифике. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/page25_001766.html (дата обращения: 15.05.2021).

⁸ Байден оценил встречу с лидерами Индии, Австралии и Японии как хорошую. 15.03.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4729496> (дата обращения: 13.05.2021).

⁹ What the evolving international order means for Japan...

¹⁰ 日米同盟「さらに強化していくべき」7割 NHK世論調査 = Опрос NHK. 70% населения за то, что альянс Япония — США необходимо «ещё более укреплять». 13.04.2021. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20210413/k10012969861000.html> (дата обращения: 15.05.2021).

¹¹ Eve of Summit, Americans Still View Japan Positively. 14.04.2021. URL: <https://news.gallup.com/opinion/gallup/347090/eve-summit-americans-view-japan-positively.aspx> (дата обращения: 12.05.2021).

Япония представляет собой экономическую угрозу, а также из-за серии споров по поводу военного присутствия Америки в стране, в основном в префектуре Окинава¹².

Анализируя совместное заявление лидеров двух государств¹³, а также опубликованный 7 мая «Акт о стратегической конкуренции 2021»¹⁴, мы можем сделать выводы, как отношения Японии и США будут развиваться в среднесрочной перспективе (5—10 лет).

Во-первых, Вашингтон поддержит Токио в разработке высокоточного дальнего оружия, прочих видов вооружения, противовоздушной и противоракетной обороны, в налаживании оперативной совместности во всех областях морской безопасности, разведки, наблюдения и разведывательных возможностей.

Во-вторых, впервые будет создан совместный фонд для государственной поддержки частных компаний, разрабатывающих новые технологии в сфере безопасности.

Сотрудничество в рамках реализации японо-американского договора безопасности от 1960 г., по итогам совместного заявления Ёсихидэ Суга и Дж. Байдена от 16 апреля 2021 г., также, очевидно, изменится. Стороны пришли к согласию, что для их эффективного взаимодействия и для безопасности в регионе Японии нужно усиливать свои оборонные мощности. Далее подтверждено применение ст. 5 Договора о безопасности между Японией и США в отношении о-вов Сэнкаку (Дяюйдэо). Была уточнена формулировка положения: Соединённые Штаты выступают, если Китай атакует Сэнкаку (Дяюйдэо). Такое подтверждение США гарантий, данных Японии, является значительным сдерживающим фактором для КНР.

Помимо вышесказанного, в числе выводов можно упомянуть об обозначении двух триггеров в треугольнике КНР — США — Япония, которые могут повлечь обострение и вооружённое противостояние союзников с Китаем: конфликт вокруг о-вов Сэнкаку (Дяюйдэо) и обострение ситуации в Тайваньском проливе. Кроме того, примечательно, что в отношении этих двух критических точек Япония получила полные и точные заверения США в поддержке *против Китая*, а не абстрактной «третьей стороны» или «потенциального противника». Совокупность данных факторов свидетельствует об укреплении союза Токио с Вашингтоном, а также об изменении роли Японии в альянсе на более активную.

¹² 84% of Americans View Japan positively, Poll Shows. 18.04.2021. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/04/18/national/americans-japan-positive-survey/> (дата обращения: 13.05.2021).

¹³ U.S. — Japan Joint Leaders' Statement: "U.S. — Japan Global Partnership for a New Era". 16.04.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/04/16/u-s-japan-joint-leaders-statement-u-s-japan-global-partnership-for-a-new-era/> (дата обращения: 13.05.2021).

¹⁴ Strategic Competition Act of 2021...

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ И НОВАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ США: ЧЕГО СЛЕДУЕТ ЖДАТЬ НА КОРЕЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ?

Толстокулаков Игорь Анатольевич,

д-р ист. наук, профессор кафедры корееведения ДВФУ

E-mail: tia1963@rambler.ru

30 апреля 2021 г. в США объявили о завершении выработки новой политики по отношению к Северной Корее. Пресс-секретарь Белого дома Дж. Псаки заявила, что «...новая политика *не предусматривает* „большой сделки“ с Пхеньяном по принципу „всё или ничего“»¹. В Сеуле этот комментарий встретили как «надежду на готовность американской администрации к поэтапному подходу к проблеме денуклеаризации Корейского полуострова»². Известно, что 21 мая президент Мун Джэин прилетает в Вашингтон на встречу с Дж. Байденом. Для нас предстоящий саммит знаменателен тем, что от него ожидают окончания затянувшейся паузы в развитии ситуации на Корейском полуострове, которую США и другие участники процесса взяли после смены президентской администрации.

Вопрос о том, какой теперь будет официальная повестка по отношению к Пхеньяну, адресован не только Вашингтону, но и Сеулу. По понятным причинам вслед за «молчанием Байдена» всё это время и Мун Джэин не проявлял никакой активности. Многие наблюдатели полагают, что в сложившейся международной и региональной обстановке южнокорейский президент станет искать любую возможность подтвердить нерушимость и прочность военно-политического альянса с США³. В то же время существует ряд официально не заявленных и особо не афишируемых целей визита, которые менее значимы, чем собственно анонсирование нового курса Вашингтона на Корейском полуострове, но не могут не представлять для нас интереса.

Таковой, в частности, может стать попытка Мун Джэина убедить американского коллегу в необходимости сохранить без каких-либо серьёзных изменений курс южнокорейского президента по отношению к КНДР, которого он придерживался в течение прошедших четырёх лет. В англоязычной литературе северокорейскую политику Мун Джэина именуют

«accommodationist approach»⁴, что в максимальном приближении можно передать как «попытка вызвать расположение / завязать дружбу / прийти к компромиссу». Иными словами — сохранить *примирительный* контекст в отношениях с Северной Кореей.

Основой для такой нашей оценки остаётся приверженность президента Республики Корея и его ближайшего окружения достаточно радикальным демократическим взглядам, особенно в связи с развитием межкорейского взаимодействия. Об особенностях идеологического обоснования и общественного восприятия политики по отношению к КНДР, характерных для южнокорейского общества и государства, мы говорили неоднократно, в том числе при определении северокорейских ориентиров и приоритетов Мун Джэина и его партии⁵. Отметим здесь лишь обстоятельство, ставшее очевидным в последнее время: беспрецедентную поляризацию политической элиты и общественного мнения Южной Кореи по северокорейской проблематике. Несмотря на отсутствие какого-либо прогресса в отношениях Сеула и Пхеньяна в период после очевидного провала ханойской встречи Ким Ченына и Д. Трампа в феврале 2019 г., Мун Джэин и Демократическая партия *Тобуро* сохранили приверженность духу межкорейских саммитов 2018 г. Иначе просто не могло быть, поскольку встречи с Ким Ченыном — это одно из немногих политических достижений, остающихся в багаже южнокорейского президента. 10 мая 2021 г., выступая со специальным обращением к нации в ознаменование четвёртой годовщины своего вступления в должность, он в очередной раз использовал данный факт, чтобы

⁴ Bo Hyuk Suh. Three Major Issues in South Korea's Policy on Human Rights in North Korea // East Asia Foundation Policy Debates. 2021. № 159. May 25. P. 3.

⁵ См.: Толстокулаков И.А. Межкорейский диалог: прошлое, настоящее и перспективы // У карты Тихого океана. 2019. № 2 (253). С. 7—15; Толстокулаков И.А. Политика Республики Корея: потенциальные угрозы и возможности для Тихоокеанской России // У карты Тихого океана. 2018. № 1 (249). С. 44—48.

¹ Тонъя Ильбо. 03.05.2021.

² Там же.

³ Тонъя Ильбо. 11.05.2021.

отстраниться от многих проблем, с которыми справиться не удалось. При этом Мун Джэин вынужденно признал, что межкорейское взаимодействие находится в тупике, однако содержание северокорейской политики, на наш взгляд, не будет изменено, поскольку свой финальный год пребывания во главе государства он определил как «последнюю возможность установить мир в регионе»⁶.

В свою очередь консервативная оппозиция в Сеуле оценивает личные убеждения президента Мун Джэина и политику всей администрации как откровенно прохвёнские, предательские и основанные на радикальной не демократической, но просоциалистической идеологии, запрещённой Законом о национальной безопасности, введённым в действие ещё при Ли Сынмане⁷. Поскольку управлять страной Мун Джэину остаётся менее года и судьба его после президентских выборов в марте 2022 г. выглядит более чем неопределённой (достаточно вспомнить, что происходит в Южной Корее с экс-президентами после прихода к власти их политических оппонентов), существует вероятность сведения с ним счётов и даже судебной расправы. Мы готовы спросить: не возникнет ли у Мун Джэина соблазна устроить в Вашингтоне торг за своё будущее и сделать какую-либо серьёзную уступку в ответ на гарантии личной неприкосновенности после своего ухода из Чхонхвадэ?

Клубок идеологических противоречий в Сеуле завязался очень тугой, и остаётся открытым вопрос: на чью сторону встанет администрация Дж. Байдена. Вряд ли США готовы к радикальному пересмотру отношения к ситуации на Корейском полуострове, но Мун Джэину не следует ожидать от американского коллеги такой же свободы действий, которую ему делегировал пару лет назад Д. Трамп. Мы уверены, что южнокорейской администрации придётся внести коррективы в собственную политику для её большей адаптации к целям и намерениям США. Причём в связи с разворачивающимся конфронтационным сценарием между Вашингтоном и Пекином это коснётся не только отношений с КНДР, но и других стран региона. Повторим основную мысль: наступает конец затишью в корейских делах, ему на смену приходит время поляризации, которая вряд ли будет соответствовать интересам России или Китая.

Так случилось, что 17 мая в 15:30 (по сеульскому времени) начнётся вебинар «The Upcoming Biden-Moon Summit: What Lies Ahead On and Around the Korean Peninsula», и в большинстве анонсов выступлений его

⁶ Четыре года межкорейской политики Мун Джэина. 13.05.2021. URL: http://world.kbs.co.kr/service/contents_view.htm?lang=r&menu_cate=northkorea&id=&board_seq=403151&page=1&board_code= (дата обращения: 15.05.2021).

⁷ Тонья Ильбо. 11.05.2021.

участников — американцев и южнокорейцев — подчёркивается мысль о том, что администрация Дж. Байдена переходит к активной фазе реализации своей политики в Корее⁸, избавляясь от трамповского наследия в данном регионе нашей планеты, а не только в самой Америке или Европе. Накануне, 11 мая, состоялись интересные дебаты в дискуссионном клубе *Тоньясиа чедан* / Восточноазиатского фонда, они назывались «South Korea's Response to Supply Chain Restructuring Amid US-China Tech Rivalry»⁹. Получается, что влиятельный политический фонд Южной Кореи занят определением места и роли своей страны в технологическом соперничестве США и КНР.

Очевидно, что в Сеуле готовятся к актуализации значимости корейской повестки в международной политике Вашингтона и делают это не без оглядки на китайский фактор. Вовлечение американским руководством корейского вопроса в соперничество с КНР — более активное и более очевидное — мы оцениваем в качестве среднесрочной и долгосрочной перспективы, определяющей внутреннюю и внешнюю политику Сеула, во всём следующего за своим военно-политическим лидером. Хотелось сегодня задать коллегам вопрос: можно ли усмотреть с учётом подобного развития событий «творческое» применение украинской модели здесь, вблизи российского Дальнего Востока. Разумеется, главным адресантом корейского «раздражителя» будет Китай. Но насколько это может повлиять на Россию? Ведь и американские системы ПРО размещены в 2019 г. на юге Корейского полуострова в очевидных антикитайских целях, однако нам они так же безразличны...

Трудно не согласиться с мнением ряда отечественных корееведов, что «будущее отношений США и Кореи зависит от понимания Соединёнными Штатами приоритетов доминирующих ныне в Южной Корее либералов»¹⁰, однако нам такие подходы кажутся слишком упрощёнными и прямолинейными. Во-первых, у настоящих «либералов» двух союзных стран всегда найдётся общая повестка, инициатором которой выступает Вашингтон, не без основания ожидающий отклика на неё в Сеуле. И здесь, как нам кажется, вновь может возникнуть привычная для Дж. Байдена

⁸ The Upcoming Biden-Moon Summit. URL: <https://mailchi.mp/ee0cee885bc1/episodes-1-2-of-asia-east-by-north-the-upcoming-us-rok-summit?e=0054ca0a60> (дата обращения: 12.05.2021).

⁹ South Korea's Response to Supply Chain Restructuring Amid US-China Tech Rivalry. URL: www.keaf.org/book/EAF_Discussion_Club_South_Korea's_Response_to_Supply_Chain_Restructuring_Amid_US-China_Tech_Rivalry_Korea_kr?ckattempt=15/21/05/11/Room.exe (дата обращения: 13.05.2021).

¹⁰ Галютдинов Т.И. Что Джо Байден сделает с Южной Кореей? // Корееведение в России: направление и развитие. 2021. Т. 2. № 3. С. 129.

и его окружения карта — осуждение Пхеньяна за нарушение прав человека и свободы личности. Мы давно не слышали таких упреков из Белого дома, они значительно ослабли в период «стратегического терпения» Б. Обамы, а администрация Д. Трампа вовсе от них отказалась. Теперь же следует ожидать включения данного аспекта в северокорейскую повестку Соединённых Штатов, в противном случае Дж. Байден может потерять образ праведного борца за свободу и демократию в мире. Главный вопрос заключается в том, насколько продвинется американский президент в деле осуждения КНДР за нарушения в сфере прав человека? Будет оно формальным или станет определять вектор северокорейской политики США наряду с требованием безоговорочного отказа от ядерных вооружений?

Здесь мы усматриваем контекст, прямо противоположный приведённой выше цитате: проблема не в том, как воспринимает Вашингтон убеждения и приоритеты нынешнего руководства Республики Корея. Суть её в том, насколько южнокорейская политическая элита готова отказаться от «accommodationist approach» последних четырёх лет ради приверженности союзу с США. Вся история внутривластного процесса в Южной Корее свидетельствует о подобной готовности; случалось это не раз, и необходимости доказывать такую возможность мы не видим.

Во-вторых, мы бы не стали оценивать современную правящую элиту Сеула как очень либеральную. В высказываниях Мун Джэина либерализм привычно сохраняется с допрезидентских времён, но в реальных действиях его намного меньше, чем у того же Ким Тэджун. ... Если же говорить о президентской Демократической партии *Тобуро*, то в её политическом курсе либерализма ещё меньше. Было бы ошибочно ожидать его от центристской партии¹¹.

Наконец, третье и самое главное: определение КНР основным внешнеполитическим вызовом для США отнюдь не означает повышения самостоятельной роли Южной Кореи, которая становится более важным, чем когда-либо, военно-политическим союзником американцев. Напротив, от Вашингтона следует ожидать особых усилий для жёсткой привязки Сеула к своей геополитической и региональной стратегии, как это уже сделано в современной Европе.

Южнокорейский политический истеблишмент, на наш взгляд, к этому вполне готов: консервативная оппозиция жаждет политического реванша и возврата к «правильным» временам президентства Ли Мёнбака,

¹¹ Обоснование определения *Тобуро* как партии политического центра приведено нами в: Толстокулаков И.А. Политика Республики Корея...; Толстокулаков И.А. Республика Корея на стадии формирования внешней и внутренней политики // У карты Тихого океана. 2017. № 48 (246). С. 8—13.

а правящие центристы разочарованы фактическим провалом северокорейских миссий Д. Трампа и его сеульского коллеги. Трёхлетний застой в межкорейском взаимодействии разочаровал представителей практически всех политических направлений в Сеуле, даже таких демократически настроенных романтиков, к которым когда-то можно было отнести Мун Джэина.

Примечательно, что многие сторонники радикальных реформ на протяжении этих лет покидали *Тобуро* и в преддверии новых президентских выборов сплотились вокруг крупнейшей оппозиционной Партии народной силы (*Кунминный химдань*, ПНС), а лидирует в ней Ли Джунсок, самый молодой претендент на должность президента в современной истории Республики Корея. Он начал политическую деятельность в 2011 г. в возрасте 26 лет, когда вошёл в состав Временного руководящего комитета партии *Ханнарадань*, которую возглавляла Пак Кынхе. По мнению экспертов, постепенному повышению Ли внутри ПНС способствует нацеленность молодых членов партии на радикальные реформы, в том числе на существенную ревизию Закона о национальной безопасности. В начале июня 2021 г. *Кунминный химдань* будет проводить голосование всех желающих граждан, по результатам которого ожидается избрание Ли Джунсока на пост председателя ПНС с последующим выдвижением кандидатом в президенты¹².

В середине апреля 2021 г. ведущее южнокорейское социологическое агентство «Realmeter» провело опрос общественного мнения среди 2,5 тыс. взрослых жителей различных регионов страны. По его результатам был выявлен рекордно низкий уровень доверия президенту Мун Джэину — 33,4%. Крайнюю поляризацию общественного настроения не в его пользу подтверждает отказ в доверии со стороны 62,9% респондентов (самый высокий показатель за всю историю опросов «Realmeter»), и только 3,7% участников затруднились с ответом¹³. Разочарование политикой Муна влияет на степень поддержки его партии: рейтинг *Тобуро* в конце марта составил всего 25,6%, что выглядит весьма впечатляющим на фоне одобрения основной оппозиционной ПНС — 41,2%¹⁴.

В такой ситуации прогноз о возможной победе южнокорейских младоконсерваторов во главе с Ли Джунсоком на мартовских выборах президента в 2022 г. выглядит вполне оправданным. Напомним,

¹² Тонъя Ильбо. 15.05.2021.

¹³ Рейтинг президента РК Мун Джэина. 13.04.2021. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_graphic_view.htm?lang=r&menu_cate=infographics&board_seq=401618 (дата обращения: 21.04.2021).

¹⁴ Realmeter: Рейтинг оппозиционной партии «Сила народа» превысил 40%. 29.03.2021. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=65319 (дата обращения: 11.04.2021).

что прецедент — победа малоизвестного и относительно молодого претендента на пост главы государства — есть. Повторится ли история 2002 г., когда выиграл Но Мухён? Белый дом объективно заинтересован в смене власти в Сеуле, поскольку консервативные круги Южной Кореи последовательно придерживаются линии на укрепление альянса с США, что доказано десятилетиями, когда они занимали *Чхонхвадэ*. По этой причине Мун Джэин для Вашингтона — это «хромая утка», с которой, как известно, американцы особо не церемонятся...

Давайте вернёмся к предстоящим переговорам на высшем уровне. Понятно, что стороны подтвердят крепость альянса и договорятся о дальнейшем развитии всестороннего сотрудничества между двумя странами и народами. Один из главных пунктов повестки предстоящего саммита — обнародование новой северокорейской политики Вашингтона. Наверное, неслучайно для этого приглашён Мун Джэин: его приезд должен показать полную солидарность союзников.

Общий контекст новой политики США на корейском направлении был частично пояснён в конце марта текущего года, когда заместитель пресс-секретаря Белого дома К. Жан-Пьер заявила, что она представляет собой «...тщательный обзор различными ведомствами политики США в отношении Северной Кореи, оценку всех имеющихся вариантов действия в ответ на усиливающуюся угрозу, которую Северная Корея представляет для своих соседей и более широко — международного сообщества»¹⁵. Никаких революционных подходов, способных существенно повлиять на улучшение региональной ситуации, в данной характеристике мы не усматриваем. В то же время присутствующая в обнародованной части документа фраза о «денуклеаризации Северной Кореи» (отметим, что в официальном варианте Сеула она звучит иначе — «денуклеаризация Корейского полуострова») означает отказ от «великой сделки», которую обещал Д. Трамп, признававший проблему общекорейской.

Остаётся непрояснённым принципиальный вопрос: будет ли Дж. Байден придерживаться политики «стратегического терпения», которая стала основой курса Б. Обамы в отношении КНДР? Очевидно, что Вашингтон сконцентрируется на дипломатическом давлении на Пхеньян, при этом не забывая об укреплении безопасности своих региональных союзников — Японии, РК и Тайваня.

Получается, основным содержанием новой политики США в отношении КНДР станет гибкая дипломатия на фоне строгого сдерживания... Вырисовываются

¹⁵ В Белом доме рассказали о политике США в отношении КНДР. 01.04.2021. URL: <https://russian.rt.com/world/news/848253-ssha-kndr-vneshnyaya-politika> (дата обращения: 21.04.2021).

две перспективы, которые обеспечиваются данной политикой: 1) в краткосрочной перспективе не допустить более существенных военных «провокаций» КНДР; 2) в среднесрочной и долгосрочной — убедить Пхеньян в необходимости вернуться за стол переговоров. Возможно, это есть указание на готовность к диалогу. Возникает очередной вопрос: каким будет его формат? В нынешних конфронтационных условиях с трудом верится в возобновление шестистороннего формата переговоров, но даже если это и произойдёт, позиция России и КНР вряд ли станет мягче и ближе к американской. Не идёт ли речь о сепаратных переговорах с КНДР, в которых примут участие США и РК, при определённых условиях — даже Япония? Будем реалистами: нынешний Пхеньян на это не пойдёт, и... мы снова оказались в тупике.

На самом деле мы не видим ничего нового в «новой» северокорейской политике Дж. Байдена. Это возврат к наиболее жёсткому режиму отношений в период до «стратегического терпения» Б. Обамы и шестистороннего формата как попытки решить региональную проблему Корейского полуострова с участием всех заинтересованных сторон.

Мы не будем останавливаться на северокорейской реакции на подобный ренессанс, нам важнее прояснить возможную реакцию Сеула. К сожалению, она, скорее всего, будет привычной: одобряем и поддерживаем. Об этом свидетельствуют официальная беседа министра иностранных дел РК Чон Ёлёна с госсекретарём Дж. Блинкеном на Лондонской встрече министров иностранных дел G7, а также встреча Мун Джэина и директора национальной разведки США Э. Хейнс, состоявшаяся 14 мая. В ходе американо-корейского общения на высоком уровне обосновывалась необходимость усилить двусторонний альянс и совместное давление на Северную Корею. Появилась и интересная новелла: оба раза подчёркивалась значимость американо-южнокорейского альянса для мира и безопасности в Индо-Тихоокеанском бассейне¹⁶. Имеем ли мы дело с выходом узкорегionalного партнёрства на общемировой уровень? Нет ли здесь угрозы перерождения военно-политического сотрудничества Вашингтона, Сеула и Токио (при возможном участии Тайбэя) в аналог НАТО на Тихом океане?

Приведём ещё один пример реализации подобной повестки: 19-е заседание южнокорейско-американского диалога по совместной обороне (KIDD), проходившее в Вашингтоне 12—13 мая. Стороны представляли заместитель министра обороны РК Ким Манги и помощник главы Пентагона по делам Индо-Тихоокеанского региона Д. Хелви. Подчеркнём, что всё это происходило в течение трёх недель перед

¹⁶ Тонья Ильбо. 15.05.2021.

американо-южнокорейским саммитом, а до этого несколько месяцев администрация Дж. Байдена о корейской проблеме даже не вспоминала...

Обращает на себя внимание ещё одно обстоятельство: в Сеуле уже почти два года перестали вспоминать о шестистороннем формате взаимодействия с Пхеньяном. Напротив, сегодня акцентируется внимание на скорейшем возобновлении двустороннего диалога КНДР и США, в ходе которого можно будет навязать Северной Корее свою волю. При этом некоторые рациональные черты в позиции Сеула присутствуют: предлагается ослабить введённые против КНДР санкции, особенно экономическую блокаду. Очередной вопрос: насколько убедительным будет Мун Джэин в обосновании данной идеи перед Дж. Байденом? Сегодня в Южной Корее правительственные СМИ убеждают население в том, что Вашингтон готов и должен принять такого рода предложения¹⁷. На наш взгляд, это выглядит если не политической наивностью, то уж точно обычной пропагандой!

Вот мы и приблизились к ответу на поставленный выше вопрос: почему официальное оглашение новой политики США в отношении КНДР проводится в присутствии и с участием южнокорейского президента. Потому что всё это планируется вывести далеко за масштабы двусторонней или региональной для Северо-Восточной Азии проблематики. Впрочем, мы уже несколько лет назад говорили о том, что корейский вопрос перестал быть фактором региональным и давно вышел на уровень глобальной угрозы.

Послесловие

На встрече 21 мая 2021 г. президенты США и Республики Корея затронули практически все вопросы двусторонних отношений, включая безопасность, экономику, культуру и проч.¹⁸ О чём-то мы пока ещё не узнали, о чём-то, вероятно, никогда не узнаем. Однако есть ряд моментов, подтверждающих высказанную нами выше и ранее озабоченность относительно региональной безопасности.

Переговоры затронули традиционные двусторонние проблемы, в первую очередь функционирование институтов военно-политического альянса США и Республики Корея. Оба государства в очередной раз отчётливо подтвердили, что нуждаются друг в друге: как следствие текущего момента Сеул

высказал заинтересованность в американских технологиях производства вакцин, а Вашингтон — в южнокорейских инвестициях для развития отечественной полупроводниковой промышленности в условиях острого торгово-экономического конфликта с Китаем. Мун Джэин не скрывал озабоченности тем, как найти баланс в отношениях с двумя ведущими торговыми партнёрами Южной Кореи — США и КНР.

Как и ожидалось, вопросы, связанные с Пхеньяном, стали главной темой саммита, поскольку от состояния дел на полуострове во многом зависят и перспективы американо-южнокорейского альянса, и сложнейший комплекс трёхсторонних отношений Сеула, Вашингтона и Пекина. В итоговом совместном заявлении Дж. Байдена и Мун Джэина содержится подтверждение роли дипломатии и диалога для реализации предыдущих двусторонних договорённостей Сеула и Пхеньяна, Вашингтона и Пхеньяна, нацеленных на полную денуклеаризацию Корейского полуострова.

Обратим особое внимание аудитории на корректировку приведённой выше фразы о «денуклеаризации Северной Кореи» из доктрины США относительно северокорейской политики. Полагаем, что это случилось не без воздействия со стороны южнокорейского президента. Перед саммитом специалисты отмечали его обеспокоенность тем, что американо-северокорейские отношения могут не улучшиться, а даже ухудшиться по сравнению с годами администрирования президента Д. Трампа¹⁹. Однако совместное заявление показывает, что Вашингтон намерен считаться с позицией Сеула при решении конкретных проблем, связанных с Пхеньяном. Лидеры использовали фразу «окончательная денуклеаризация Корейского полуострова», чтобы сохранить видимую свободу и простор действий для КНДР.

Как мы и предполагали, в северокорейской политике США восстановлен традиционный тезис о защите прав человека: оба президента согласились работать вместе над улучшением ситуации с правами человека в КНДР. При этом особо подчёркивается важность оказания Пхеньяну гуманитарной помощи. Вероятно, готовность помочь нуждающемуся северокорейскому народу, а не только критиковать режим за отсутствие каких-либо изменений в данной сфере демонстрируется властями США для «смягчения» негативных последствий, со всей очевидностью проистекающих из возвращения к данному тезису.

Хотя в совместном заявлении не говорится напрямую о том, что Вашингтон отказывается от враждебной политики по отношению к Пхеньяну, никаких конкретных враждебных заявлений в адрес последнего не прозвучало. Ещё один интересный момент:

¹⁷ Там же.

¹⁸ Итоги саммита Дж. Байдена и Мун Джэина анализируются по материалам Всемирного радио KBS и статьи Г. Ньюсхама. См.: Newsham G. Moon-Biden Summit: A Success? Too Soon to Say // The Epoch Times. 07.06.2021. URL: https://www.theepochtimes.com/moon-biden-summit-a-success-too-soon-to-say_3847309.html (дата обращения: 08.06.2021).

¹⁹ Тонья Ильбо. 15.05.2021.

на совместной пресс-конференции по итогам саммита Дж. Байден сообщил о назначении специальным посланником США по Северной Корее Сон Кима. Он хорошо известен и на Юге, и на Севере; в его политическом багаже разработка совместно с заместителем министра иностранных дел КНДР Чхве Сонхи проекта соглашения между Пхеньяном и Вашингтоном, принятого на саммите в Сингапуре в 2018 г.

Итоги встречи Дж. Байдена и Мун Джэина не оставляют сомнений в том, что обе союзные стороны ожидают от КНДР возобновления диалога. Сами же они намерены лишь побуждать её вернуться за стол переговоров; при этом Сеул и Вашингтон со всей очевидностью готовы к разным сценариям, в том числе к провокационным действиям Пхеньяна или к требованиям дополнительных уступок со стороны США. Из всех политических результатов саммита осторожный оптимизм внушает лишь заявление об основной цели северокорейской политики Вашингтона и совместных с Сеулом действий — денуклеаризация Корейского полуострова исключительно путём дипломатических решений. Полагаем, что речь идёт о работе не высшего, но второго эшелона дипломатии, поскольку личная встреча Дж. Байдена с северокорейским лидером представляется нам в ближайшее время невозможной. Следовательно, Вашингтон нацелен на рабочие переговоры между дипломатами США и КНДР, которые потребуют много времени и значительных усилий, прежде чем появятся какие-либо ощутимые результаты.

Самым важным и наиболее тревожным для России итогом саммита, на наш взгляд, следует признать договорённость в военной сфере о снятии любых ограничений на развитие ракетного вооружения Республики Корея.

Будучи обеспокоенным развитием гонки вооружений в Северо-Восточной Азии, Вашингтон в 1979 г. добился от Сеула «добровольного» принятия ограничений на дальность (не более 180 км) и массу полезной нагрузки (вес боеголовки не более 500 кг) южнокорейских ракет, произведённых и поставленных на вооружение армии РК. Данные ограничения достаточно долго не позволяли Южной Корее самостоятельно разрабатывать и приобретать мощное ракетное оружие. Впоследствии ограничения четырежды пересматривались, и после 2012 г. разрешённая дальность была увеличена до 800 км, а лимит полезной нагрузки снят полностью. В результате весь Корейский полуостров и континентальная часть страны (основная территория КНДР) оказались в радиусе дальности южнокорейского ракетного оружия. Это можно было принять как ответ на растущую ядерную и ракетную угрозу со стороны Пхеньяна.

На этот раз любые ограничения с развития ракетных вооружений Южной Кореи сняты полностью.

Мало того, что Сеул уже имеет ключевое средство современной неядерной войны — боеспособное ракетное оружие²⁰ — он получил добро на разработку баллистических ракет дальностью действия более 1 тыс. км, и теперь в зону досягаемости его ракет входит вся Северо-Восточная Азия. Также Южной Корее можно с этого времени разрабатывать ракеты-носители и беспилотные летательные аппараты без ограничения полезной нагрузки²¹.

Договорённость об отмене указанных ограничений, разумеется, соответствует интересам и США, и Республики Корея:

- чтобы справиться с ядерной угрозой, исходящей от Пхеньяна, Сеулу, не имеющему ядерного оружия, следует максимально увеличить собственный ракетный потенциал;
- США стремятся создать ракетную сеть, покрывающую всю Восточную Азию, чтобы держать под контролем КНР и Россию.

Наши соседи по Восточной Азии уже обратили внимание, что речь идёт не только (или не столько!) об усилении оборонной мощи Южной Кореи, сколько об изменении всей конфигурации региональной безопасности. В частности, китайские СМИ призывают Пекин предотвратить отмену ограничений по развитию ракетной программы РК и осудить связанную с ней договорённость, достигнутую между Дж. Байденом и Мун Джэином на майском саммите. Однако на официальном уровне об этом пока открыто не говорится²².

В опубликованной 31 мая 2021 г. агентством ЦТАК статье «Какова цель отмены ограничений на ракеты» Пхеньян чётко заявил, что Сеул может теперь реально угрожать соседним странам²³, имея в виду прежде всего Китай. Озабоченность нарастающим военным потенциалом Южной Кореи высказана также экспертным сообществом Японии²⁴ — молчат лишь в России... Американские ракеты уже окружили нас со стороны европейских соседей, пришли они и на землю Кореи. Не пора ли обратить на это внимание?

²⁰ Уже находящаяся на вооружении у Южной Кореи баллистическая ракета «Хёнму-4» может нести полезную нагрузку до 2 т (что в четыре раза превышает обычную нагрузку баллистических ракет) и имеет радиус действия до 800 км. Если нагрузку уменьшить до стандартной (около 500 кг), то она сегодня уже способна пролететь до 2 тыс. км. См.: Пхеньян критикует договорённости по ракетам между РК и США. 03.06.2021. URL: http://world.kbs.co.kr/service/contents_view.htm?lang=r&menu_cate=northkorea&id=&board_seq=404236&page=0 (дата обращения: 07.06.2021).

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

КНДР И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ ОТНОШЕНИЙ С США: КОНЕЦ «МИРНОЙ ПЕРЕДЫШКИ»?

Мишин Валерий Юрьевич,

научный сотрудник сектора международной и региональной безопасности ЦГРИ ИИАЭ ДВО РАН
E-mail: val.mishin@mail.ru

По прошествии первых ста дней со дня инаугурации Дж. Байден, формулируя основные направления внешнеполитического курса США в отношении КНДР, заявил, что будет противодействовать ядерным угрозам и амбициям Северной Кореи посредством дипломатии и твёрдого сдерживания. За этот период со стороны США не отмечалось резких и агрессивных выпадов в адрес Пхеньяна. Однако Байден и его команда, как видно из их заявлений, не намерены отказываться от идеи полной денуклеаризации Северной Кореи, не пойдут на так называемую большую сделку и в своей северокорейской политике будут придерживаться принципа «всё или ничего».

В мае 2021 г. в Вашингтоне сообщили, что стратегия «Новой политики в отношении КНДР» наконец-то подготовлена и утверждена президентом, но её содержание носит секретный характер, в связи с чем в деталях не будет излагаться для широкой общественности, поскольку США намерены оставить для себя максимальное пространство для дипломатических манёвров. Союзникам по азиатскому альянсу предполагается довести общее содержание документа и наиболее принципиальные шаги, которые США планируют предпринять в отношении КНДР.

По сути, в своих заявлениях Вашингтон на всех уровнях даёт понять, что в среднесрочной перспективе он не намерен идти на диалог с Пхеньяном по той схеме, которой придерживались экс-президенты Обама и Трамп.

Что касается руководства КНДР, то его отношение к США и их новой администрации изменений не претерпело. Риторика Байдена и его выпады не оказывают никакого влияния на внешнеполитический курс и решения северокорейских властей. Ким Чен Ын пока что придерживается обещания, данного ещё Д. Трампу, о моратории на ядерные испытания, но это не является основанием предполагать, что Пхеньян полностью свернул секретные работы по обогащению и накоплению ядерного плутония. В январе — феврале 2021 г. на военных парадах в столице были продемонстрированы новые модели межконтинентальных баллистических ракет, которые могут оснащаться ядерными боеголовками и по дальности полёта способны достичь территории США, а в марте Северная Корея первый раз в этом году провела полевые испытания ракетных систем залпового огня большой дальности; по мнению экспертов, это явилось сигналом для Вашингтона, что долготерпение Пхеньяна заканчивается.

Не ограничиваясь демонстрацией военной мощи, в январе 2021 г. Ким Чен Ын с трибуны 8-го съезда Трудовой партии Кореи заявил, что политика Вашингтона в отношении КНДР при новой администрации не изменится и останется агрессивной вне зависимости от того, кто будет находиться у власти, поэтому США по-прежнему являются главным врагом КНДР и в случае агрессии с их стороны будет дан отпор силой на силу.

Сам Ким Чен Ын, являясь политическим игроком и прагматиком, за время американо-северокорейских саммитов в 2018—2019 гг. накопил опыт общения с высшими должностными лицами США, понял американский менталитет и выработал собственную линию поведения. В случае выстраивания отношений с Вашингтоном он будет продолжать демонстрировать привычную для северокорейского народа антиамериканскую риторику, но на деле никогда не рискнёт инициативно довести дело до состояния войны. Во-первых, это не одобряют Китай и Россия, которых Ким называет самыми близкими друзьями, а во-вторых, ни экономика, ни уровень вооружённых сил КНДР не выдержат противостояния с США и их региональными союзниками.

Несмотря на то, что Ким Чен Ын якобы принял предложение Вашингтона объяснить ему смысл «Новой политики в отношении КНДР», это вовсе не означает, что он её безоговорочно примет. С присущей ему манерой Ким либо проигнорирует дискуссию, либо будет резко её критиковать, при этом интриговать и торговаться. Он может даже намекнуть на возможность встречи с американцами на высшем уровне, если будут даны гарантии сохранения северокорейского политического режима, его личной безопасности и снятия экономических санкций.

В свою очередь администрация Байдена не станет полагаться на «стратегическое терпение», а твёрдо будет настаивать на полной и необратимой ликвидации ракетно-ядерного потенциала КНДР, что в конечном итоге заведёт вариативность американо-северокорейских отношений в тупик и послужит началом нового витка напряжённости на Корейском полуострове и в США. Лучшим вариантом для всех заинтересованных сторон будет создание механизма доверия, снятие экономических санкций с КНДР, отказ от враждебности и несбыточных идей полной денуклеаризации Корейского полуострова; вместо этого следует признать ракетно-ядерную программу КНДР свершившимся фактом и создать многостороннюю систему контроля за её развитием.

ПОЗИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ США В ЮВА В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Симоненко Анна Владимировна,

канд. ист. наук, научный сотрудник сектора международной и региональной безопасности ЦГРИ ИИАЭ ДВО РАН
E-mail: asimonenok@yandex.ru

Спустя 100 дней после инаугурации Дж. Байдена политика новой администрации страны в отношении Юго-Восточной Азии продолжает оставаться неясной, что в общем объяснимо. Этот регион никогда не был приоритетным для США и при Дж. Байдене, очевидно, сохранит своё положение. Вероятно, не стоит ожидать особенных изменений в подходах Вашингтона к ЮВА.

Хотя в среде экспертного сообщества АСЕАН широко распространена точка зрения, что победа Дж. Байдена открывает перед ЮВА хорошие перспективы. Предполагается, что стратегия нового президента будет близка к обамовской, США «вернутся» в регион, активизируется сотрудничество с АСЕАН, оживятся двусторонние связи, переживавшие спад при Д. Трампе, — таков примерный набор тезисов.

Однако детальный анализ деятельности Д. Трампа показывает, что им немало сделано для улучшения отношений с государствами ЮВА, которые были изрядно подпорчены при его предшественнике. Это при Б. Обаме президент Филиппин Р. Дутерте впервые поднял вопрос о расторжении военного соглашения с США и в жёстких, нелицеприятных выражениях потребовал от Вашингтона прекратить вмешательство во внутренние дела страны. Д. Трампу удалось наладить контакт с Р. Дутерте и снизить напряжение, возникшее в американо-филиппинском диалоге.

Администрация Д. Трампа также восстановила отношения с Таиландом, которые заметно охладели после военного переворота 2014 г. Вьетнам — ещё одна страна, которую Д. Трамп может записать в свой актив. За четыре года его президентства произошёл заметный прогресс в американо-вьетнамских отношениях. Чувствительным вопросом продолжала оставаться двусторонняя торговля, но по другим направлениям связи активно развивались.

Перечисленные позитивные сдвиги стали возможны во многом благодаря тому, что Вашингтон, выстраивая диалог с государствами АСЕАН, не акцентировал внимания на проблемах защиты демократии и прав человека, а был сосредоточен на решении конкретных практических задач экономического и политического взаимодействия.

Будет ли новая администрация действовать в таком же ключе — большой вопрос. Если Дж. Байден

действительно (как это было продекларировано) поставит во главу своей политики защиту прав человека по всему миру, то США наверняка столкнутся с новым витком ухудшения двусторонних отношений. Власть в странах ЮВА находится в руках консервативных элит, а они решительно настроены противостоять любым попыткам навязывания извне либеральных ценностей. Тем более что положительный опыт в этом вопросе у них уже имеется.

Возвращаясь к теме новой американской администрации, отметим, что смена президентов — мало-значительный фактор, принципиально не влияющий ни на отношения, ни на позиции США в ЮВА. Главный тренд, наблюдаемый в последнее время, — снижение роли и влияния Вашингтона в регионе — сохранится и будет усиливаться. Американцы медленно, но верно теряют лидерство, уступая его КНР.

Наиболее заметна утрата позиций в экономической сфере. За последние два десятилетия китайцам удалось существенно усилить экономическое влияние в ЮВА и сильно потеснить США. Пандемия COVID-19 зримо сузила возможности Вашингтона и создала благоприятные условия для расширения экономической экспансии Пекина. В ситуации экономического кризиса и массового разорения национальных компаний китайцы стали активно скупать в странах АСЕАН по сниженным ценам предприятия, бизнес, недвижимость... Обеспокоенные этой тенденцией государства региона призывают США увеличить экономическое присутствие, больше инвестировать, особенно в инфраструктурные проекты, чтобы успешно конкурировать с КНР. Но, очевидно, таких ресурсов и возможностей у Вашингтона нет, и ситуация в этой области им не контролируется.

В сфере региональной безопасности сегодня можно отметить первые признаки того же процесса, что на протяжении нескольких лет наблюдался в области экономического взаимодействия. Военно-стратегически США ещё сильны, но их авторитет в регионе уже не бесспорный. Тревожным сигналом может служить спад в отношениях с традиционными американскими союзниками — Таиландом и Филиппинами (всё на почве демократических ценностей).

Когда после тайского военного переворота 2014 г. Вашингтон попытался ввести санкции и сократил

объёмы военно-технической помощи, Бангкок резко развернулся в сторону Китая, активизировав сотрудничество с ним по всем направлениям. Д. Трамп приложил максимум усилий, чтобы восстановить статус-кво, обеспечил выполнение всех двусторонних договорённостей, но миллиардный контракт на закупку танков ушёл в КНР, и ВВС Таиланда сегодня всё чаще выказывают недовольство американской лётной техникой (устаревшими моделями, поставляемыми США), одновременно присматривая новых перспективных поставщиков. Несмотря на потепление тайско-американских отношений, военно-стратегическое сотрудничество Таиланда и Китая сохраняет динамику и с каждым годом лишь набирает обороты.

Не лучшим образом складываются отношения США с Филиппинами. Вопрос о расторжении американо-филиппинского военного договора с повестки дня не снят. В начале 2020 г. Р. Дутерте вновь заявил о намерении выйти из него в одностороннем порядке. Сегодня Манила явно демонстрирует смену внешнеполитических приоритетов — отход от США и поворот в сторону Китая и России. Ещё несколько лет назад Филиппины, поддерживаемые Вашингтоном, были настроены жёстко и бескомпромиссно к КНР и её территориальным притязаниям, в 2013 г. даже обратились с иском в гаагский суд и выиграли его (2016). Сегодня же на фоне заметного потепления филиппино-китайских отношений вопрос спорных территорий перешёл в формат конструктивного диалога. Подписан меморандум о взаимопонимании между Филиппинами и Китаем (ноябрь 2018 г.), создана двусторонняя комиссия по разрешению спорных вопросов. Пекин фактически признал экономические права Филиппин в их исключительной экономической зоне в Южно-Китайском море. В конце 2020 г. появилось официальное сообщение, что «КНР и Филиппины достигли консенсуса по совместной разработке ресурсов нефти и газа в спорных водах и сформировали механизм сотрудничества в виде консультаций»¹.

Хотя территориальный спор продолжает оставаться болезненной темой, периодически возникают всплески агрессивной риторики, в частности в связи с неправомерными заходами китайских военных кораблей, но очевидно, что стороны выбрали путь диалога без участия третьих лиц.

В условиях нарастания противоречий с традиционными партнёрами в ЮВА Вашингтон ищет новых союзников в регионе. Прорабатываются подходы к Вьетнаму, Индонезии, Малайзии. Но эти страны ещё теснее и глубже связаны с Китаем и будут идти на сближение лишь до того момента, пока это не станет угрожать их отношениям с Пекином.

¹ A Philippine-China Deal on Joint Development in the Making? November 3, 2020. URL: <https://amti.csis.org/philippine-china-deal-on-joint-development-in-the-making/> (дата обращения: 12.05.2021).

В этой связи недальновидной выглядит политика Вашингтона, направленная на усиление конфронтации с КНР. Подобная тактика существенно ограничивает возможности для манёвров США в ЮВА. Ставка на то, что государства АСЕАН поддержат Вашингтон в его соперничестве с Пекином, похоже, не оправдалась. Страны региона, конечно, имеют немало проблем в отношениях с КНР, они обеспокоены её чрезмерным расширением, приветствуют усилия США по её сдерживанию, но конфронтация Вашингтона и Пекина решительно не в их интересах и единогласно осуждается.

Особую тревогу и недовольство государств ЮВА вызывают попытки втянуть их в американо-китайское противостояние и поставить перед выбором: США или КНР. И здесь опять же Вашингтон не в выигрышной позиции. Учитывая, каким обширным комплексом связей переплетены отношения стран АСЕАН с Китаем, можно с уверенностью сказать, что, если ситуация будет доведена до крайности, маятник предпочтений качнётся не в сторону США. Даже Сингапур, который из всех государств региона имеет самые тесные и прочные связи с Вашингтоном, ясно даёт понять, что не собирается делать выбор между США и Китаем и будет поддерживать хорошие отношения с обеими державами.

Всё больше раздумий в АСЕАН вызывает вопрос о роли США в архитектуре региональной безопасности. Заложенные в неё механизмы, основанные на системе двусторонних альянсов и центральной роли Вашингтона, выступающего гарантом мира и безопасности в регионе, не способны в полной мере противостоять современным вызовам. Теоретически, сложно оспорить тезис, утверждающий, что США являются единственными в ЮВА, способными противостоять КНР. Но в реальной политике оказывается, что они со всей своей мощью не в силах противопоставить ничего действенного китайской экспансии в регионе — ни остановить, ни затормозить её. Сегодня перед странами АСЕАН остро стоит проблема выстраивания новой архитектуры региональной безопасности, которую они видят уже не американоцентричной. Безусловно, это вопрос не ближайшей перспективы, но ЮВА последовательно движется в направлении создания системы безопасности, основанной на асеаноцентричной модели, в которой на равноправной основе будут участвовать различные заинтересованные стороны — США, Китай, Россия, Япония, РК... список не окончательный.

Подводя итог. США постепенно теряют лидирующие позиции в ЮВА. Тенденция долгосрочная, будет развиваться вне зависимости от личности и партийной принадлежности президента. В экономической сфере этот процесс вышел на финальную стадию и принял необратимый характер. В ближайшие 10—20 лет сценарий повторится в формате военно-стратегического взаимодействия.

ИНДО-ТИХООКЕАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ США: ПОЗИЦИЯ РОССИИ

Песцов Сергей Константинович,

д-р полит. наук, профессор, заведующий отделом международных отношений ЦГРИ ИИАЭ ДВО РАН
E-mail: skpfox@yandex.ru

С приходом в Белый Дом Дж. Байдена, 46-го президента США, заметные перемены затронули множество самых разных аспектов американской внутренней и внешней политики. В сфере международных отношений изменения скорее ограничиваются тактикой, тогда как основные элементы стратегии действий не только сохранили свою преемственность, но и, похоже, получают дальнейшее развитие. Как подчёркивается в опубликованном в марте 2021 г. «Промежуточном стратегическом руководстве по национальной безопасности» («Interim National Security Strategic Guidance») новой администрации, Америка вступает в эпоху как беспрецедентных вызовов, так и столь же беспрецедентных возможностей; будущее мира определяется всё более напряжённым противостоянием великих держав; основным соперником США в разворачивающейся конкурентной борьбе выступает напористый Китай, а основным её театром и приоритетом для американской внешней политики становится Индо-Тихоокеанский регион (ИТР)¹.

Значимость последнего подтверждается целым рядом практических шагов новой администрации США, включая ключевые назначения и визиты руководителей, официальные заявления, подчёркивающие важность и ценность альянсов, а также жёсткую позицию против агрессивного поведения Китая. Индо-Тихоокеанское управление стало самым крупным подразделением в обновлённом составе команды национальной безопасности Дж. Байдена. Его координатором назначен К. Кэмпбелл, председатель и исполнительный директор Asia Group, в 2009—2013 гг. занимавший пост заместителя госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана. Старшим директором по Китаю стала Л. Розенбергер, бывший сотрудник Государственного департамента, специализировавшаяся на проблемах АТР. Сам Дж. Байден вскоре после своей инаугурации связался по телефону с лидерами Японии, Южной Кореи, Австралии, Канады — стран, являющихся не только важными союзниками или партнёрами США, но и обладающих влиянием в Азии. Первые дипломатические визиты высокопоставленных членов его команды также были

нанесены в страны Азиатского региона: министр обороны Л. Остин посетил Индию, а государственный секретарь Э. Блинкен — Южную Корею и Японию. Первым многосторонним мероприятием с участием президента Дж. Байдена стала встреча Четырёхстороннего диалога по вопросам безопасности (Quad) на высшем уровне с премьер-министром Индии Нарендрой Модии, премьер-министром Австралии С. Моррисоном и премьер-министром Японии Суга Йошихиде в марте 2021 г.² Всё это ясно указывает, насколько ИТР является значимым геостратегическим пространством для новой американской администрации³.

Россия в названном выше «Промежуточном стратегическом руководстве по национальной безопасности» упоминается лишь однажды и только вскользь: отмечается, что она «по-прежнему полна решимости усилить своё глобальное влияние и сыграть подрывную роль на мировой арене»⁴.

Индо-Тихоокеанский регион в геостратегии России

Географическое направление внешней политики государства, на котором оно концентрирует свои основные усилия, сосредоточивая военную мощь и дипломатическую активность, определяется геостратегией. Разрабатывая и реализуя собственную геостратегию, государство с неизбежностью создаёт вызовы для других, либо реагирует на их вызовы. Эффективность геостратегии во многом определяется способностью: (а) ясно и последовательно определять

² В итоговом документе участниками было подтверждено обязательство вместе «продвигать свободный, основанный на открытых правилах и международном праве порядок, для обеспечения безопасности, процветания и противодействия угрозам как в Индо-Тихоокеанском регионе, так и за его пределами». См.: Quad Leaders' Joint Statement: «The Spirit of the Quad». The White House. Statements and Releases. March 12, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/12/quad-leaders-joint-statement-the-spirit-of-the-quad/> (дата обращения: 23.03.2021).

³ Gemma King. The First 100 Days: Biden Means Business in the Indo-Pacific // Australian Outlook. April 16, 2021. URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/the-first-100-days-biden-meansbusiness-in-the-indo-pacific/> (дата обращения: 03.04.2021).

⁴ Interim National Security Strategic Guidance...

¹ Interim National Security Strategic Guidance. March 2021. P. 6, 8, 10. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 13.04.2021).

собственные интересы; (б) точно идентифицировать потенциальных соперников и партнёров, равно как и их интересы, намерения и цели; (в) реально и реалистично оценивать потенциал и имеющиеся возможности. Геостратегия преимущественно (но не обязательно) мотивируется географическими или политическими факторами. Государства могут проецировать власть на какое-то место (географическое пространство) также по идеологическим причинам, исходя из предпочтений значимых групп интересов или просто по прихоти своих лидеров⁵.

Основополагающие внешнеполитические документы Российской Федерации — Концепция внешней политики (2016) и Стратегия национальной безопасности (2015) — среди основных геостратегических приоритетов страны помещают, соответственно, на шестое (из девяти) и четвёртое (из семи) место Азиатско-Тихоокеанский регион. К гораздо более актуальным направлениям российской внешнеполитической активности в них отнесены не только постсоветское пространство (СНГ) или Европа, но и такие фантомные региональные конструкты, как Черноморский или Каспийский регионы⁶. Понятие «Индостихоокеанский регион» в обоих документах отсутствует, несмотря на то что к моменту их подготовки соответствующая идея уже не просто обсуждалась в Тихоокеанской Азии, но получила формальное признание со стороны ряда значимых региональных акторов⁷. Официальная позиция России стала оформляться в качестве реакции на публичную

риторику бывшего президента США Д. Трампа, выступившего с призывом к «свободному и открытому Индо-Тихоокеанскому региону» (FOIP) на саммите руководителей Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АПЕС) в Дананге в ноябре 2017 г., и последовавшее за этим включение ИТР как одного из важнейших внешнеполитических приоритетов США в очередную Стратегию национальной безопасности (NSS), появившуюся в декабре этого же года. С самого начала она носила однозначно негативный характер, основываясь на тех же аргументах, которые использовал Китай, ныне самый близкий союзник РФ, который однозначно интерпретировал идею Индо-Тихоокеанского региона как инструмент своего сдерживания⁸. Согласно одному из недавних высказываний министра иностранных дел С. Лаврова, «если внимательно приглядеться к мероприятиям, которые предпринимаются в рамках индо-тихоокеанской стратегии, они основываются на блоковом мышлении, создании блоков не в пользу позитивного процесса, а против определённых стран». Негативное отношение к ИТР, судя по основным претензиям российских официальных лиц, связано с тем, что (а) это проект США; (б) он является примером блокового мышления, нацеленного на разделение АТР; (в) направлен на сдерживание Китая, а значит и России; (г) отрицает лидирующую роль АСЕАН.

Аналогичные оценки продвигаются и российскими экспертами, разделяющими официальную точку зрения. «Термин Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), — считает, например, ведущий сотрудник Центра исследования проблем безопасности РАН К. Блохин, — был искусственно создан американскими политтехнологами около пяти лет назад, чтобы объяснить свои действия, направленные на увеличение влияния в этой части планеты. США рассматривают военный потенциал России как угрозу своей безопасности... Китай расценивается как долгосрочная угроза, поскольку эта страна уже сейчас бросает вызов Вашингтону в экономической сфере»⁹. По мнению заведующего кафедрой международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ А. Сидорова, «Вашингтон ввёл это обозначение [ИТР], чтобы связать Соединённые Штаты одновременно и с Восточной Азией, и с Индией. Такая же схема использовалась при создании так называемого Североатлантического региона, которого в истории никогда не существовало.

⁵ Jakub J. Grygiel. *Great Powers and Geopolitical Change*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2007. 280 p.

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 23.03.2021); Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 31 декабря 2015 г. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nacbezopasnost-site-dok.html.6> (дата обращения: 23.03.2021).

⁷ Термин «Индостихоокеанский регион» всё шире стал использоваться в региональном и глобальном геополитическом дискурсе с 2010 г., а с 2013 г. начал постепенно входить в официальную лексику руководства Австралии, Японии, Индии, Франции, Великобритании, США, Индонезии и АСЕАН не только в качестве политического символа, но и концептуальной основы регионального взаимодействия. См.: Captain (Dr.) Gurpreet S. Khurana. The “Indo-Pacific” Idea: Origins, Conceptualisations and the Way Ahead // *Indo-Pacific Report 2019. Indo-Pacific Partnership. Realising the Benefits of Economic and Maritime Cooperation*. New Delhi: National Maritime Foundation (NMF), 2019. P. 11—28; Wada Haruko. The “Indo-Pacific” Concept. Geographical Adjustments and Their Implications // *RSIS Working Paper*. March 16, 2020. No. 326. 27 p.

⁸ Russia Doubles Down on Indo-Pacific Criticism, Raises Fear of «Divisiveness» // *The Wire*. January 17, 2020. URL: <https://thewire.in/diplomacy/russia-indo-pacific-criticism-double-down> (дата обращения: 13.03.2021).

⁹ Таран И., Медведева А. «Геостратегическое переформатирование»: как США намерены противостоять России и Китаю в Азиатско-Тихоокеанском регионе // *РТ*. 14 ноября 2019. URL: <https://russian.rt.com/world/article/686693-rossiya-kitai-sshapentagon-ugroza> (дата обращения: 23.03.2021).

Это нужно было, чтобы создать региональное военно-политическое объединение НАТО»¹⁰.

Тем не менее восприятие ИТР в российской академической среде не является однозначным. Согласно первоначальным оценкам, «именно активная позиция Китая спровоцировала процесс ускоренного формирования различных коалиций, функционально пытающихся выполнить роль балансира в распределении региональной мощи... Как и следовало ожидать, создание каждого союза сопровождается соответствующей индо-тихоокеанской и антикитайской риторикой»¹¹. Одновременно отмечалось и наличие объективных факторов, способствующих формированию на просторах Индо-Тихоокеанского региона «новой арены торговой и экономической конкуренции, развитие которой будет со временем всё сильнее определять пути развития глобальной экономики»¹². Многие российские специалисты также отмечают спорность аргументов, лежащих в основе критического восприятия ИТР как чисто американской инициативы¹³.

Более того, как полагает ряд российских исследователей, благодаря тому, что ИТР превращается в пространство новой волны «великодержавной конкуренции», Россия может получить больше свободы действий в центральной части Евразии¹⁴. А осознание грядущей смены азиатского века на евразийский и становление Большой Евразии в качестве второго глобального полюса позволят России и АСЕАН расширить и диверсифицировать сотрудничество, которое в перспективе приобретёт самоподдерживающуюся и самовоспроизводящуюся основу¹⁵. Некоторые идут ещё дальше, предлагая рассматривать Индо-Пацифику как

¹⁰ Там же; Беспалов А.С. Прощай, АТР, здравствуй, Индо-Пацифика? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 01.07.2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/proshchay-atr-zdravstvuy-indo-patsifika> (дата обращения: 10.04.2021); Koldunova E. Russia's Ambivalence about an Indo-Pacific Strategy // Asia Pacific Bulletin. No. 467. May 6, 2019. URL: <https://www.eastwestcenter.org/publications/russia's-ambivalence-about-indo-pacific-strategy> (дата обращения: 10.04.2021).

¹¹ Старкин С.В. Индо-Тихоокеанское геостратегическое пространство во внешнеполитическом дискурсе Индии и США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2013. № 3 (1). С. 352.

¹² Стрельцов Д. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений // Международная жизнь. Сентябрь 2018. С. 65—74. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Mezhdunarodnaya_gizn/2018-09/6.pdf (дата обращения: 23.03.2021).

¹³ Цветов А. Индо-Тихоокеанский фронт: зачем на геополитической карте появился новый регион и что это сулит России? // Московский центр Карнеги. 22.03.2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/75706> (дата обращения: 13.03.2021).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Канаев Е.А., Королёв А.С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН //

«шанс на скачок в будущее» для российского Дальнего Востока. «В Большой Евразии, — подчёркивается в этой связи, — ему уготована роль восточных ворот России; в ИТР — северных ворот всего Индо-Тихоокеанского региона, через которые будут идти в Азию ресурсы Арктики. Уникальное геополитическое положение на стыке моря и суши, Большой Евразии и Индо-Пацифики — то, что способно придать новый импульс развитию Дальнего Востока России»¹⁶. Реализация этого шанса зависит от способности РФ предложить собственную концепцию ИТР или какую-то позитивную альтернативу сотрудничеству, согласующуюся с интересами стран Северо-Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Примером такой альтернативы может служить идея Аркто-Тихоокеанского региона или Аркто-Пацифики, где Россия способна занять место ведущего игрока, аналогичное позиции Индии в ИТР. Основу двух этих мегарегионов, по словам авторов идеи, создают «два основных маршрута: торговый, из Азии в Европу, и энергетический — из центров добычи углеводородов в самих этих регионах в развивающиеся азиатские экономики. Индия и Россия в этой конструкции не конкурируют друг с другом за торговые пути, а взаимно дополняют друг друга, будучи заинтересованными в увеличении товарооборота между Европой и Азией»¹⁷.

В реальности, однако, набор возможных стратегий РФ в отношении ИТР с неизбежностью ограничивается рядом объективных обстоятельств. К числу наиболее важных среди них относится, во-первых, слабость российских экономических позиций в Азии. Общий объём торговли России со странами Европы остаётся существенно выше, чем с Азией, даже несмотря на то, что доля Китая за последние годы заметно увеличилась. Тем не менее доля Европы в общем торговом обороте РФ в 2018 г. составляла 56%, а КНР — 16%. Аналогичный показатель для остальной Восточной Азии составлял 10%, для Центральной Азии — 4% и Южной Азии — 2%¹⁸.

Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 12 (1). С. 26—43.

¹⁶ Куприянов А. Индо-Пацифика и Россия: не упустить свой шанс // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 14 ноября 2018. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/indo-patsifika-rossiya/> (дата обращения: 10.04.2021).

¹⁷ Куприянов А., Королёв А. Евразийская хорда, океанское кольцо. Россия и Индия как третья сила нового мирового порядка. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Сентябрь 2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/29200/> (дата обращения: 23.03.2021).

¹⁸ Rumer E., Sokolsky R., Vladicic A. Russia in the Asia-Pacific: Less Than Meets the Eye. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2020. P. 8. Подробнее см.: Russia. Observatory of Economic Complexity, April 2020. URL: <https://oec.world/en/profile/country/rus> (дата обращения: 23.03.2021).

Во-вторых, важным обстоятельством является ограниченность относительных возможностей России с точки зрения военной силы. Тихоокеанский флот, несмотря на предпринимаемые в последние годы меры по его обновлению, остаётся второстепенным по сравнению с флотами в районах, которым придаётся более высокий географический приоритет. В настоящее время он превратился в сравнительно небольшой прибрежный флот «коричневой воды», сосредоточенный на задачах ближней обороны — защиты баз ПЛАРБ, близлежащих вод и подходов к северным морям. Реальные возможности Тихоокеанского флота, по сути, исключают «значительное передовое военноморское присутствие мирного времени за пределами его непосредственных вод»¹⁹.

В-третьих, у России в Азии никогда не было большого числа друзей или стойких партнёров. А в последнее время очевидное сближение с Китаем и полная поддержка его позиции по вопросу ИТР ставит под угрозу и «амбиции России по позиционированию себя в качестве независимого игрока»²⁰. Наконец, весьма

¹⁹ Muraviev A.D. BEARING Back. Russia's Military Power in the Indo-Asia-Pacific under Vladimir Putin. Special Report. The Australian Strategic Policy Institute Limited 2018. URL: <https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2018-02/SR%20115%20Russia%20in%20the%20pacific.pdf?VersionId=G.WjXVEd4MNqJJPYLYRTUznB.5A4eMgm> (дата обращения: 21.03.2021).

²⁰ Ниведита Капур, Нандан Унникришнан. Индия, Россия и Индо-Тихоокеанский регион сотрудничества. Или соперничества? Международный дискуссионный клуб «Валдай». 05 января 2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/>

важным обстоятельством, определяющим позицию РФ в отношении ИТР, является и всё более очевидное влияние на современную российскую геостратегию фактора неприязни к США, которая, как констатировал ещё в 2016 г. Д. Тренин, стала глубокой и абсолютно искренней²¹.

В совокупности все эти обстоятельства превращают российскую политику в Азии в набор не всегда согласованных и последовательных действий, нацеленных в первую очередь на конкуренцию с США, которые ослабляют позиции РФ в расширяющемся Азиатско-Тихоокеанском регионе. Они ведут к ухудшению отношений с государствами, которые являются союзниками США (Япония, Австралия), ослабляют связи России с традиционными партнёрами (Индия, Вьетнам) и не способствуют укреплению её авторитета посредством демонстративной дружбы со слабыми государствами или неустойчивыми режимами (Пакистан, Лаос, Мьянма). ИТР из абстрактной идеи в последние годы всё более явно превращается в практический проект региональной организации. Хотя перспективы этого проекта во многом остаются дискуссионными, позицию его отрицания, выбранную Россией, вряд ли можно считать оптимальной или единственно возможной.

[highlights/indiya-rossiya-indo-tikhookeanskiy-region/](https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/indiya-rossiya-indo-tikhookeanskiy-region/) (дата обращения: 23.03.2021).

²¹ Тренин Д. Внешняя политика России в ближайшие пять лет: цели, стимулы, ориентиры. Доклад // Московский центр Карнеги. 28 апреля 2016 г. URL: <https://carnegie.ru/2016/04/28/ru-pub-63462> (дата обращения: 13.03.2021).

ВОЕННО-МОРСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МОРСКОГО ПРИСУТСТВИЯ РОССИИ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Тушков Александр Анатольевич,

д-р ист наук, профессор кафедры международных отношений и права ВГУЭС

E-mail: aa_tushkov@mail.ru

Для России важнейшую роль играет выполнение задач в области морской деятельности, поставленных Президентом РФ в Указе от 20 июля 2017 г. № 327:

- 1) поддержание готовности сил (войск) Военно-Морского Флота к действиям в стратегически важных районах Мирового океана;
- 2) наращивание боевого потенциала Военно-Морского Флота путём строительства и модернизации многоцелевых атомных и неатомных подводных лодок, многоцелевых кораб-

лей, предназначенных для выполнения задач в ближних, дальних морских зонах и океанских районах.

Для реализации поставленных задач Главкомат ВМФ должен решить следующие проблемы: во-первых, в каких ближних и дальних морских зонах, а также океанских районах флот будет наращивать боевой потенциал и, во-вторых, какими боевыми силами и средствами мы будем осуществлять этот процесс?

В настоящее время существуют регион защиты деятельности России в Северо-Тихоокеанском трансграничном пространстве (Северная Пацифика), а также регион противодействия Тихоокеанского флота России (ТОФ) войскам и силам Тихоокеанского флота ВМС США на Северо-Востоке РФ. К дальним и ближним морским зонам относятся Чукотское, Берингово, Охотское и Японское моря, бассейн р. Амур.

При необходимости военного ответа силы ТОФ (в том числе и атомные подводные лодки, оснащённые стратегическими и крылатыми ракетами морского базирования) будут вести боевые действия с применением ядерного оружия. Представляется, что при определённых условиях — в частности, в рамках стратегических действий на театрах военных действий (ТВД) — флот может проводить операции (боевые действия) со стратегическими целями. На их предполагаемой эффективности необходимо остановиться более подробно, так как в первую очередь она зависит от наличия и современного состояния боевых сил и средств флота. В данный момент на вооружении ТОФ состоит 7 сверхмалозумных дизель-электрических подводных лодок проекта 877/М «Палтус». Данные подводные лодки построены на судостроительном заводе № 199 им. Ленинского Комсомола (ныне ПАО «Амурский судостроительный завод») в период с 1988 по 1994 г., в связи с чем в настоящее время наблюдается заметный износ узлов конструкции. Это не может не оказывать влияния на акустическую заметность субмарин.

Рассмотрим основной ударный компонент морских стратегических ядерных сил (МСЯС) ТОФ — ракетные подводные лодки стратегического назначения (РПЛСН): их наличие, состав и боевые возможности. В настоящий момент МСЯС ВМФ диспропорционально распределены между двумя основными флотами — Северным и Тихоокеанским. В силу более выгодного стратегического положения Северного флота (скрытое развёртывание РПЛСН подо льдами и наличие противолодочной обороны (ПЛО), способные обеспечить боевую устойчивость РПЛСН) здесь сосредоточены основные ударные силы ВМФ.

ТОФ представлен РПЛСН проектов 667БДР и 667БДРМ, принятыми в его состав в период 1972—1977 и 1976—1981 гг. соответственно. В результате их вывода из боевого состава в 2003 г. ТОФ имел ударные силы в количестве лишь 4 РПЛСН проекта 667БДР (оперативная группировка на северо-востоке страны), а Северный — не менее 20 РПЛСН проектов 667БДРМ, 667БДР и типа «Тайфун». Таким образом, в последнем сосредоточено не менее 80% МСЯС ВМФ¹,

¹ Даманцев Е. Тихоокеанский флот России «с треском» проигрывает гонку вооружений в АТР. URL: <https://vamoisej.livejournal.com/3350010.html> (дата обращения: 23.12.2020).

что автоматически ставит под сомнение способность ТОФ как стратегического объединения эффективно выполнять свои задачи. Сегодня он, как и все силы ВМФ, не в состоянии проводить полномасштабные стратегические действия на ТВД. Основная причина здесь объективная. Она состоит в следующем:

- отсутствие сил дальней океанской и морской зоны (за исключением атомных подводных лодок);
- нехватка необходимого количества сил и средств тылового и технического обеспечения;
- недостаточно развитая система управления силами в дальних морских зонах.

В настоящее время ТОФ имеет в своём составе два ракетных крейсера (РКР): тяжёлый атомный ракетный крейсер (ТАРКР) «Адмирал Лазарев» и гвардейский ракетный крейсер (ГРКР) «Варяг», причём первый находится в резерве. Наличие одного действующего РКР «Варяг» недостаточно для такого оперативно-стратегического объединения, каким является ТОФ.

Учитывая, во-первых, обширную океанскую и морскую зону Тихоокеанского ТВД, во-вторых, тот факт, что в два раза был сокращён ударный компонент морской авиации ТОФ — ракетноносная авиация, в-третьих, уменьшение количества атомных и дизельных подводных лодок общих сил морского назначения более чем в три раза, можно заключить, что ТОФ сегодня не может в полном объёме выполнять важнейшую задачу — обеспечивать боевую устойчивость МСЯС в целом и РПЛСН, в частности, в ходе проводимой операции или боевых действий в дальних морских и океанских зонах.

Каковы перспективы повышения боевых возможностей ТОФ? Реализация «Единой государственной программы военного кораблестроения и судостроения Российской Федерации» позволит обеспечить поддержание и качественное обновление сил и средств морской составляющей стратегических ядерных сил (с учётом их минимального допустимого количественного уровня), а также развитие сил и средств общего назначения ВМФ. В настоящий момент наиболее реальным остаётся участие сил флота в общевоинских операциях, в том числе в противодесантных и морских (воздушно-морских) десантных операциях в северо-восточном направлении и в Приморском регионе. При этом необходимо принимать во внимание, что участие сил в данных операциях возможно как в условиях вооружённого конфликта, так и в локальной, региональной и мировой войнах. В первом случае участие ТОФ будет осуществляться в форме боевых действий, а в локальной, региональной и мировой войнах — в проведении морских операций родов сил флота. Из всего вышесказанного следует,

что современный флот России можно считать лишь ограниченно боеспособным. В ходе совещания по развитию вооружённых сил и ОПК в Сочи 2 декабря в 2019 г. В.В. Путин подчеркнул, что в Военно-Морской Флот поступят два десятка надводных, подводных и вспомогательных кораблей и более четырёхсот единиц ракетного и торпедного вооружения. Президент России указал, что это будут 23 носителя крылатых ракет «Калибр», гиперзвуковых «Цирконов», подводные лодки нового поколения типа «Борей-А» и «Ясень-М», а также надводные корабли дальней морской зоны. Их появление и обеспечит нам постоянное присутствие в дальних морских зонах, в том числе Тихоокеанском и Индоокеанском региональных направлениях. На совещании В.В. Путин говорил о необходимости опережающего развития флота. В 2017 г. он подписал указ об утверждении «Основ государственной политики в области военно-морской деятельности на период до 2030 года». Согласно документу Россия должна занять второе место по мощи военно-морских флотов мира.

Разумеется, таких результатов без строительства кораблей дальней морской зоны, авианосцев, кораблей снабжения не добиться. Корабли проекта «Каракурт» из-за малой автономности не смогут решить задачи постоянного присутствия в отдалённых морских зонах. Планы по строительству авианосцев российская экономика в настоящее время не осуществит. Стоимость проектирования и строительства только одного такого судна оценивается экспертами в 300—400 млрд руб., при этом России нужны минимум несколько таких кораблей. Если строительство авианосцев и атомных эсминцев — перспектива отдалённого будущего, то создание больших десантных вертолётносцев сегодня вполне реально. В ближайшее время первый корпус планируют заложить в Керчи на заводе «Залив». Проект будет из тех, что широко рекламируются на военно-морских салонах («Прибой» или «Лавина»): аналог французских «Мистралей», способный доставить к берегу несколько десятков ударных вертолётов Ка-52К, 60 единиц лёгкой бронетехники и не менее 20—30 основных боевых танков и морскую пехоту. В настоящий момент корабли проектов 21631 «Буян-М» и 11661К «Гепард», а также новые малые ракетные корабли (МРК) проекта 22800 типа «Каракурт» составляют главную ударную силу Каспийской флотилии, Балтийского и Черноморского флотов. Потенциально они могут поразить цели в Азии — от Сирии до Индии — и на территории всей Европы². Но обеспечить морское присутствие

² Муравьёв А. Чтобы Тихоокеанский флот не превратился в Приморский // Морской сборник. 1999. № 4. С. 21.

флота в дальних морских зонах они не в состоянии. В этой связи необходимо уточнить, что сегодня к классу малых ракетных кораблей относится техника, производимая в рамках двух проектов: 21631 «Буян» и 22800 «Каракурт». Особо следует остановиться на строительстве патрульных кораблей (корветов) открытого моря проекта 22160 типа «Василий Быков». Флот не знает, как и где их применить; для этих судов просто нет флотских задач. Для чего их строят? Для обеспечения занятости судостроительных мощностей.

Обеспечат ли все намеченные мероприятия и ожидание поступления кораблей — носителей крылатых ракет — приоритет присутствия отечественного флота в дальних морских зонах? Естественно, нет. Поэтому на совещании в Сочи В.В. Путин акцентировал внимание на необходимости опережающего развития флота. Для выполнения этой задачи существующих сил и средств недостаточно, необходимы корабли дальней морской зоны — авианосцы, фрегаты, суда обеспечения и снабжения. Из-за малой автономности плавания (15 суток) малые ракетные катера проекта 22800 типа «Каракурт» в стратегическом плане не смогут решить задачи постоянного присутствия в дальних морских зонах. Эксперты сходятся во мнении, что создавать их стали в качестве альтернативы на время задержки строительства фрегатов проекта 11356, на которых необходимо заменить отечественными аналогами украинские газотурбинные установки³. Ранее предполагалось строить авианосцы, но в этой области стоят вопросы, которые не решить и в ближайшей перспективе. При этом существуют и другие проблемы, о которых говорят эксперты. Рассмотрим их и приведём некоторые суждения и выводы.

Первая проблема связана с введением новой структуры управления — в том числе в Главном штабе ВМФ. Во главе органов управления флотами армейских и сухопутных офицеров стало больше, чем флотских. Они бесцеремонно вмешиваются в управление флотом, чего не было более 300 лет. Следом за подчинением ВМФ Генеральному штабу, а по округам — Оперативно-стратегическим командованиям была ликвидирована и единая система управления флотом, что лишило последний компетентного руководства, а Главкомат превратило в сугубо тыловой орган, к командованию ВМФ отношения практически не имеющий.

Вторая проблема, которую необходимо осветить и которая непосредственно вытекает из первой, — это эффективность работы органов управления флотом.

³ Журавлёв О.В., Тушков А.А. Национальная морская политика России на Тихоокеанском и Индоокеанском региональных направлениях // Вопросы политологии. 2020. № 1 (53). Т. 10. С. 261—269.

Она непосредственно касается отдельных департаментов и структур, чья результативность не соответствует требованиям времени.

Третья проблема, на которой необходимо остановиться особо, связана с деятельностью Департамента обеспечения гособоронзаказа Министерства обороны (ДОГОЗ МО). Во главе и в составе ДОГОЗ МО находятся сухопутные офицеры, в задачи которых входило сопровождение военного кораблестроения. Они, в соответствии со своими полномочиями, могли начинать опытно-конструкторские работы любых масштабов в интересах военно-промышленного комплекса без согласования с флотом и предстоящих финансовых затрат. Причиной является то, что сегодня в России отсутствует чёткое понимание того, какие задачи должен выполнять флот, т.е. нет продуманной концепции строительства и боевого применения его ресурсов в современных геополитических условиях и с учётом национальных интересов и морской политики РФ.

Четвёртая проблема автором настоящей работы обозначена как существующие недостатки в принятии программы перевооружения ВМФ. Сегодня её содержание по большей части состоит из транспортов, гидрографических судов, буксиров и судов тылового обеспечения. Значительная доля выделенных средств расходуется на реализацию проектов вспомогательного флота⁴.

Таким образом, для практического выполнения Указа Президента РФ № 327 от 25 июля 2017 г. требуются консолидированные усилия всех ведомств и министерств, включая Министерство обороны России, ДОГОЗ МО, Военно-Морской Флот, а также проектные институты и Объединённую судостроительную корпорацию (ОСК). С этой целью необходимо выполнить следующие мероприятия.

Во-первых, следует восстановить структуру ВМФ как вида Вооружённых сил, с полноценной системой боевого управления, Центральным командным пунктом и Главным штабом. Необходимо реформировать систему в целом, вернуть Главкомату статус, который он ранее имел, требовать от государственной власти обозначить военно-политические цели, которые ВМФ должен в будущем достигать силой или угрозой её применения. Исходя из этого нужно корректировать кораблестроительные программы, добиваться восстановления роли Главного штаба ВМФ в полном объёме, оставив за ним директивное руководство флотом как видом Вооружённых сил в целом, отстранить офицеров, окончивших сухопутные училища, от руководства флотскими вопросами.

⁴ Литовкин Д. Какой флот строит Россия и для чего. URL: <https://tass.ru/opinions/7308487> (дата обращения: 10.10.2020).

Во-вторых, для принятия решений необходимы политический подход и стратегическое мышление руководства страны и Вооружённых сил. Все решения должны быть направлены на перестройку военно-промышленного комплекса — с целью выполнения задач флота, а не борьбы за финансовые ресурсы.

В-третьих, следует вернуть Главкомату ВМФ статус органа боевого управления и планирования развития флота. Руководству страны необходимо ставить перед Главкоматом военно-политические цели боевого использования флота, корректировки кораблестроительных программ исходя из геополитической обстановки и национальных интересов.

В-четвёртых, эффективное использование флота в качестве одного из основных инструментов внешнеполитической деятельности России возможно через восстановление морских баз в дальних морских зонах. Это те базы (ПМТО — пункты материально-технического обслуживания), которые имел Советский Союз в Камране (Вьетнам), на Кубе, о. Сокотра (Аравийское море), архипелаге Дахлак (о. Нокра), в порту Бербера (Сомали) и т.д., а также организации оперативных эскадр постоянного присутствия в морских зонах, например бывшая 5-я оперативная эскадра кораблей (5-я оперативная флотилия), базировавшаяся в Средиземном море.

Сегодня Россия не имеет столько военно-морских баз, сколько есть у США. Морская база Тартус в Сирии позволяет контролировать Средиземноморский ТВД, но в Аркто-Атлантическом, Индо-Тихоокеанском регионах и в Северной Пацифике, в том числе у берегов Америки, российский флот может присутствовать лишь эпизодически. Возможно, восстановление баз во Вьетнаме и на Кубе, полноценной и функционирующей в Сирии и др. позволит решить проблему военно-морского присутствия России в отдалённых морских зонах и океанских районах. По крайней мере, эта задача выполнима, хотя и опирается в политические вопросы геополитического характера. Очевидно, что картина морского присутствия России в дальних морских и океанских зонах будет меняться.

Рассмотрим наиболее вероятный сценарий развития политической ситуации в будущем — усиление глобалистских позиций США.

Надо признать, что наступивший сегодня миропорядок мы называем «постбиполярным» или «поствестфальским», характеризующимся развалом Ялтинско-Потсдамской эпохи и формированием множества новых центров силы. Однако надо признать ещё один непреложный факт: мир сегодня америкоцентричен. Ни РФ, ни КНР не вписаны в эту систему. Первая — вследствие отсутствия экономических факторов, вторая — по военным показателям.

Тем не менее положение меняется: Россия, в отличие от Китая, являющегося активным участником борьбы за глобальное лидерство и ресурсы в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, более того, фактически драйвером этого процесса, не выступает ни локальным, ни региональным его конкурентом. Но при этом она (как стратегический партнёр Китая) является катализатором военно-дипломатического обострения, но не глобального сдвига.

Приведём некоторые предположения, исходя из аналитических и экспертных оценок деятельности вновь избранного президента США.

1. В отношении России политика Вашингтона в лучшую сторону не изменится. Более того, можно ожидать, что администрация Белого дома только усилит санкции.

2. В сложившихся условиях, возможно, РФ пойдёт на сближение с КНР. Вероятно, будут договоры

по экономическим, политическим позициям, в области размена контролируемых территорий и т.д. По крайней мере, ни США, ни Китай сегодня к прямому столкновению пока не готовы.

3. Отвечая на вопрос, какое место в этом возможном альянсе Москвы и Пекина (или партнёрстве) займёт Россия, можно допустить, что предполагаемый договор будет осуществлён за её счёт. При этом как страна, которая только пытается стать геополитическим игроком в Азиатско-Тихоокеанском регионе, РФ навсегда сойдёт с мировой арены.

Таким образом, с учётом вышеизложенного, как возможный исход описанных событий можно предположить, что региональное доминирование США в АТР, усиленное партнёрскими отношениями с Китаем, станет глобальным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ разрабатываемой после инаугурации стратегии Дж. Байдена, а также первых шагов его администрации свидетельствует, что его внешняя политика продолжит во многом следовать курсу Д. Трампа, а её новизна будет минимальной. Всего выделяется три новаторских аспекта по сравнению с политикой предшественника: возвращение к традиционно важной роли союзнических и партнёрских отношений в военно-политической сфере; проведение более интенсивной экологической политики, за которую в последние два года своего президентства выступал Б. Обама; стимулирование производства технических культур в аграрном секторе с целью диверсификации используемого топлива. В совокупности эти новшества, как предполагает новая администрация, должны закрепить за США роль лидера демократической части мира, глобального ведущего игрока в сфере экологии, направляющего усилия других государств в таких вопросах, как снижение объёмов вредных выбросов, развитие альтернативной энергетики, внедрение энергосберегающих технологий, разработка соответствующих регуляторных норм. Преемственное понимание благоприятного состояния американской системы, в целом, свидетельствует, что демократическая администрация продолжит курс республиканского правительства на реиндустриализацию, локализацию производственных цепочек внутри страны, приложит усилия, чтобы закрыть национальный рынок от нежелательных иностранных конкурентов.

В связи с сохранением понимания экономических приоритетов и принятием концепции свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) прогнозируется, что Дж. Байден продолжит реализовывать курс на сдерживание Китая, который будет иметь следующие особенности. Сохранится сотрудничество в вопросах экологии, климата и ядерных вооружений (включая ядерную программу КНДР) с целью вовлечь китайскую сторону в разработку норм, соответствующих американским интересам. Будет присутствовать конкуренция в сфере экономики, сельского хозяйства, торговли и технологий, в связи с чем тарифные и нетарифные ограничения и санкции как инструмент давления на иностранного конкурента и сдерживания его международной кооперации сохранят большое значение. Ключевой удар США будет направлен на наиболее высокотехнологичные отрасли китайского машиностроения. Станет осуществляться противодействие Китаю в военно-политической сфере с помощью развития сети союзов и партнёрств со странами ИТР, продолжит подниматься проблема соблюдения прав человека и национальных меньшинств, что проявится в риторике, выражении позиции на переговорах, введении ограниченных персональных и иных санкций.

В целом ожидается, что такой подход к ИТР приведёт к следующей реконфигурации региона.

Китай, пересмотрев в октябре 2020 г. основы своей внешней политики в пользу большей активности и твёрдости в отстаивании собственной позиции

в мире, будет предпринимать более активные политические шаги, концептуально основанные на традиционной для Поднебесной идее китаецентричного мира. В связи с этим прогнозируется, что в ближайшие годы Пекин будет осуществлять постепенный отход от экономических мер продвижения своего влияния в мире в пользу политических. Это заключение подтверждается и тем, что последние хозяйственные инициативы Китая направлены на развитие внутреннего потребления, национального брендинга и локализации производственных циклов и цепочек внутри страны, чтобы снизить зависимость от внешнего мира, а вместе с этим уменьшить роль торговли и экономики во внешней политике, сделав их потенциально менее уязвимыми для политических решений.

Стремление китайского правительства превратить своё государство в один из мировых полюсов стало благоприятным условием для интенсификации союзнических отношений США со странами ИТР и для придания им новых смыслов. Показательным в этом контексте стало взаимодействие Вашингтона и Токио, который на протяжении последних 20 лет не только остаётся верным американским союзником, но и стремится к большей военной автономии. Эти стремления — в совокупности с японскими опасениями касательно роста влияния КНР, страхами политической элиты Японии перед возможным конфликтом вокруг о-вов Сенкаку и интересами США сдерживать Китай — способствуют таким тенденциям американско-японских отношений: сохранится военно-политический союз, который приобретёт ярко выраженную антикитайскую направленность, будет запущен сетевой механизм двустороннего взаимодействия между правительствами и бизнесом в области технологий и безопасности. Последний шаг станет одной из составляющих американских усилий по построению технологического взаимодействия со своими союзниками. Это усилит технологическую гонку в регионе, которая будет нацелена не только на развитие производства, но и на обеспечение безопасности в самых разных сферах (вооружения, освоения космоса, передачи данных, управления критическими производственными процессами, противодействия атакам, шпионажу и деструктивной информации в киберпространстве) с целью сделать проблемы развития технологий скрепами союзнических отношений.

Повестка отношений США и Республики Корея традиционно более широка и зависит от целого ряда факторов. «Китайская угроза» здесь также сыграла роль благоприятного условия, приведшего к снятию ограничений на дальность южнокорейских ракет. Для Дж. Байдена это решение стало реализацией одного из элементов стратегии по сдерживанию КНР, для Мун Чжэ Ина — способом поднять в преддверии

выборов авторитет центристских политических сил среди консервативно настроенной части южнокорейского общества. Высокая степень экономической кооперации и технологического развития двух стран стала стимулом для расширения инвестиционного и технологического сотрудничества, главным образом направленного на модернизацию американской экономики и придание военно-политическому альянсу технологического измерения. Политика в отношении КНДР является ещё одним долгосрочным фактором отношений Вашингтона и Сеула. В целом администрация Дж. Байдена будет стремиться сдерживать развитие северокорейского ВПК и предотвращать новые ракетные и ядерные испытания, создавать условия для взаимодействия с КНДР по ядерной проблематике, в чём потребуется поддержка южнокорейских партнёров. Однако взаимное согласие США и РК сохранить в повестке проблему прав человека в Северной Корее и снятие ограничений на дальность южнокорейских ракет сыграют негативную роль в налаживании такого взаимодействия, поскольку Ким Чен Ын воспримет эти факты как вмешательство во внутренние дела страны и империалистическую угрозу КНДР, как элемент эскалации напряжённости на Корейском полуострове, что, в свою очередь, подчеркнёт нежелание северокорейского режима идти на контакты с США в краткосрочной перспективе.

Если в первые месяцы пребывания у власти администрации Дж. Байдена удалось обозначить ключевые пути развития отношений с союзниками, то перспективы его политики в отношении стран Юго-Восточной Азии остаются неопределёнными. Этому способствуют три фактора. Во-первых, в период пандемии COVID-19 американское влияние в регионе ослабло, а китайское выросло. Во-вторых, у власти в странах региона находятся консервативные элиты, которые негативно воспринимают продвижение либеральных ценностей, в то время как Дж. Байден представляет Демократическую партию, президенты от которой традиционно включают этот вопрос во внешнеполитическую повестку. В-третьих, правительства региона уклоняются от того, чтобы быть втянутыми в американско-китайское противостояние. Успех внешней политики США в этом регионе зависит от того, сумеет ли администрация Дж. Байдена вместе с федеральными министерствами предложить стратегию, основанную на совпадении интересов Соединённых Штатов и стран Юго-Восточной Азии, не предполагающую открытого противостояния или конкуренции Китаю.

Россия, в свою очередь, остаётся на периферии ИТР и не занимает сколько-либо важного места в региональной стратегии США по ряду объективных причин: отношения Москвы и Вашингтона в последние

годы имеют ярко выраженное европейское измерение, экономическое присутствие РФ в регионе недостаточно, её внешняя политика в плане инициативности и творческого подхода уступает политике других ведущих стран региона, военное присутствие остаётся ограниченным, а морская деятельность (гражданская и военная) смещена в направлении Арктики, Атлантики и Средиземноморья.

С учётом объективного положения стран и влияния внешней политики США на региональные процессы прогнозируются следующие наиболее вероятные тенденции развития ИТР.

Во-первых, изменится структура региона. Он будет состоять из четырёх элементов: двух конкурирующих центров (США и КНР), союзников и партнёров США (Япония, Республика Корея, Австралия), региона потенциальной конкуренции между центрами (Юго-Восточная Азия) и периферии (Россия).

Во-вторых, между США и их союзниками с одной стороны и Китаем с другой возникнет многомерная разделительная линия, разграничивающая две части региона, в которых, вероятно, по разным траекториям пойдёт развитие в военно-политической, технологической, кибернетической, гражданско-правовой,

экономической сферах. Этот водораздел США используют для модернизации существующих военно-политических союзов. Так альянсы кроме военно-политического приобретут технологическое и кибернетическое измерение. В экономической сфере союзники США станут источниками инвестиций и технологий для модернизации американского хозяйства.

В-третьих, отношения США и Китая будут сочетать конкуренцию и партнёрство, хотя поле для последнего остаётся весьма узким, ограничиваясь проблемами климата, экологии и ядерных вооружений. Здесь дополнительные препятствия будет создавать китайская позиция, продиктованная опасениями по поводу процедур контроля над вооружениями. Экология и климат рассматриваются США в качестве сферы, где правила должны писаться с учётом приоритетной позиции Вашингтона, что может осложнить взаимопонимание между странами в соответствующих вопросах. Более перспективной для достижения договорённостей, несмотря на конкуренцию, выглядит экономическая сфера, поскольку страны останутся важными торгово-экономическими партнёрами в ближнесрочной перспективе, а интересы бизнеса будут оказывать существенное влияние на их политику.

